

E21605

С. С. С. Р.

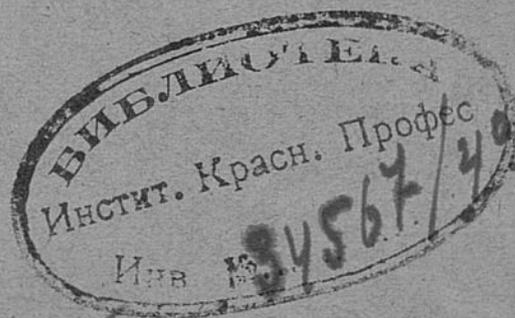
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

323.2 (584) 1918

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ТОМ
III

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ФЕРГАНСКОГО БАСМАЧЕСТВА
И БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ В БУХАРЕ

ЧЕТЫРЕ СХЕМЫ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА

1924

II

Н. Е. Какурин.

БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В БУХАРЕ

(1922 г.)

ВВЕДЕНИЕ.

Обзор событий, вызвавших появление Красной Армии в Бухаре. — Бухарская революция 1920 г. — Ее причины. — Гиссарская экспедиция 1921 г. — Ее результаты. — Появление в Бухаре Энвера-паши; его планы и намерения. — Причины нового похода Красной Армии в Бухаре; политическая цель похода.

Прежде чем перейти непосредственно к нашей теме, вернемся несколько назад к событиям, послужившим причиной появления Красной Армии в Бухаре.

Столкновение интересов вновь народившегося малочисленного, но энергичного класса молодой буржуазии с интересами класса земельных собственников феодалов, управлявшего страной посредством своего ставленника эмира, вызвало Бухарскую революцию 1920 года. Столица страны—г. Бухара—перешла в руки восставших, вручивших власть в руки нового Бухарского Советского Правительства. Эмир и его приверженцы бежали в Восточную Бухару, где и пытались организовать сопротивление. Для уяснения себе причин, вызвавших необходимость для нового Правительства обратиться к содействию Красной Армии, следует иметь в виду, что в момент революции Бухара являлась страной, с весьма слабо развитыми производительными силами общества, с полным почти отсутствием промышленности и, следовательно, резко выраженным аграрным характером общественного хозяйства.

Естественно, что в таком обществе преобладали деревенские классы с господством крупных землевладельцев помещиков. Все остальные, в общем немногочисленные, классы, по их состоянию, я могу отнести к промежуточным классам, получившим большее распространение лишь в городах Западной Бухары; один из них, именно начавший складываться класс торговой буржуазии и произвел революцию 1920 г. Как мы уже сказали, он не был многочислен. В силу исторических причин власть религиозной надстройки и до сих пор еще чрезвычайно сильна в Бухаре; во многом я объясняю себе застойный характер общества в Бухаре не столько даже слабым развитием его производительных сил, сколько именно влиянием этой религиозной надстройки.

Обратим еще внимание на следующее обстоятельство: промышленный пролетариат отсутствовал в Бухаре вовсе, а сельский пролетариат, каковым в сущности является вся крестьянская масса, еще не пережил

той идеологической революции, которую уже пережила буржуазия и не осознал себя, как класс. Вот причины, каковые, на мой взгляд, обуславливали медленное вовлечение в процесс революции широких масс, особенно на периферии страны; ими являлись вся Восточная Бухара и некоторые, удаленные от крупных центров, районы Западной Бухары. В этих причинах и следует искать об'яснение этого явления, что власть помещиков феодалов в полной неприкосновенности сохранилась в Восточной Бухаре, а власть молодого Бухарского Советского Правительства начала лишь крайне медленно распространяться от центра к периферии. Кроме того, не могу не отметить, на мой взгляд, чересчур поспешный темп, с которым новое Правительство начало насаждать в стране учреждения и законы, являвшиеся еще непонятными населению в силу его боевых особенностей и культурной отсталости. Это последнее обстоятельство создало благоприятную почву в массах для контр-революционной агитации и часть их толкнулась в сторону контр-революции и ее вожаков. Все эти обстоятельства, в их совокупности, по моему мнению, и побудили Бухарское Советское Правительство в интересах дальнейшего развития революции и укрепления ее завоеваний опереться на дружественную руку российского пролетариата.

И вот, в течение 1920 и 1921 г.г. российские советские войска очистили Бухару от остатков эмирских отрядов и принудили его самого со многими приверженцами искать спасения в Афганистане. Однако, к концу 1921 г. наши войска, в силу чисто об'ективных причин вынуждены были оставить Восточную Бухару в то время, когда аппарат Советской власти там еще не успел достаточно окрепнуть, и заняли более сосредоточенное расположение, приблизившись к своим базам.

Из операций, проведенных Красной армией в Бухаре в течение 1921 г., особого внимания заслуживает, так называемая, „Гиссарская экспедиция“.

Во время этой экспедиции наши войска пересекли в различных направлениях Восточную Бухару; они проникали в самые глухие уголки ее, но конечные результаты экспедиции не оправдали возлагавшихся на нее ожиданий. Не было обращено достаточного внимания на закрепление за собою пройденных рубежей и на устройство аппарата управления в занимаемых областях, вернее Советское строительство не поспевало за движением войск. Поэтому практических результатов в смысле утверждения власти Бухарского Советского Правительства в Восточной Бухаре и фактического приобщения ее населения к процессу революции эта экспедиция не дала, а войскам, в силу слабой ее организации, она стоила очень дорого. Само собою разумеется, что класс, произведший революцию, был далеко неоднороден по своей сознательности. Внутри него были элементы, которые признавали революцию лишь до известного предела; логическое последствие политической революции, революция социальная, очевидно, страшила их и они, добившись победы над противоположным лагерем и ослабив его, не прочь были теперь пойти на сделку с этим лагерем. Панисламистская программа давала и естественный выход для этих настроений. Вот причины, каковыми я об'ясняю себе переход в лагерь врагов Бухарской Советской власти в феврале 1922 г. некоторых видных ее сторонников.

Особенно много шуму наделала измена Усмана Хаджаева, старого бухарского революционного деятеля; англо-индийская пресса много

внимания уделила этому факту, приведя его, как красноречивый пример деспотизма и империализма большевиков, которого-де не вынес даже такой крайний революционер, как Усман Хаджаев. Я подхожу к этому факту совсем с иной точки зрения, которую я выяснил выше и которая мне кажется более правильной. Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с целями и методами проведения российской советской политики в Средней Азии, только посмеется этому утверждению англо-индийской прессы.

Были и другие обстоятельства, способствующие в начале 1922 г. колебанию нетвердых умов в Бухаре. Неопределенность взглядов в вопросе о борьбе с басмачеством в Фергане и переговоры с вождями разбойничьих и контр-революционных банд могли быть приняты темным населением Средней Азии, в течение долгих веков воспитанном на преклонении перед грубой силой, как признак слабости Р. С. Ф. С. Р., а отголоски всех событий в Туркестане живо долетали и до Бухары.

Афганистан, руководимый энергичным и честолюбивым Эмиром Амануллою Ханом, переживающий эпоху, которую можно отчасти сравнить с эпохой просвещенного абсолютизма в Европе, не прочь был от расширения в сторону Бухары и с некоторого времени внимательно приглядывался к происходившим там событиям. Бывший эмир бухарский и многие его сторонники нашли в Афганистане радушный прием, моральную и материальную поддержку. Потерпев неудачу в войне с англичанами в 1919 г., Афганистан не прочь был теперь попытать счастья, действуя на этот раз по линии наименьшего сопротивления, каковою ему представлялась Бухара. Идеи панисламизма, разделяемые некоторою частью мусульманской буржуазии и интеллигенции достаточно оправдали бы его вмешательство. Как бы то ни было с начала 1922 г. начинает чувствоваться известное, правда закулисное, влияние Афганистана во всех происходящих в Бухаре событиях. По отношению контр-революционным шайкам и организациям, а также главарям их Афганистан на мой взгляд играл ту же роль, какую белая Польша сыграла в отношении организации Булаха-Булаховича, Савинкова и Петлюры. Не могу тут не привести маленькой исторической справки. Еще в 1869 году Шир-Алихан, объединив под своей властью все племена Афганистана, мечтал о создании союза средне-азиатских владетелей, направленном против России. Как сейчас увидим, примерно с таким же проектом, лишь несколько в иной форме и выступил в скором времени, появившийся на арене бухарских событий, Энвер-паша.

Происки врагов Бухарского Советского Правительства не остались без результатов и в западной Бухаре. Там появился один из видных сторонников бывшего эмира мулла Абдул Кагар, который обосновался в городке Нур Ата, удаленном от линии железной дороги и до некоторой степени прикрытом кряжем Нур-Атинских гор и там начал организовывать повстанские шайки, которые в течение февраля месяца подступали несколько раз чуть-ли не к стенам самой столицы.

Такова была обстановка, когда в Бухаре появился Энвер-паша.

Широко известный в мусульманском мире, в кругах интеллигенции, как один из виднейших деятелей младо-турецкой революции, в массах духовенства и руководимого им населения, еще не изжившего своих религиозных предрассудков, как зять „халифа“, священного лица для всякого правоверного и сам, в силу своего родства с халифом, особа

в некотором роде священная, Энвер-паша дал идеологическое выражение всем тем течениям, общественной психологии контр-революционного лагеря, которые до его прибытия либо смутно выражались, либо противоречили даже друг другу... Его лозунг „Мусульмане всех стран, объединяйтесь“ должен был создать условия для временной блокировки класса несознательного сельского пролетариата декхан с классом их поработителей, крупных феодалов против общего врага Бухарского Советского Правительства и большевиков, о „красном империализме“ которых Энвер широко и неустанно агитировал.

Таким образом, принцип солидарности трудящихся всего мира, основанный на солидарности интересов Энвер-паша пытался заменить принципом религиозного объединения всех мусульман. Конечно, в конце концов, одураченные массы поняли бы, где их истинные друзья и враги, но на это требовалось время, а тут обстановка складывалась так, что уже и мировая контр-революция могла через Бухару вновь попытаться найти себе ходы в пределы Р.С.Ф.С.Р. Таким образом, как в интересах народных масс Бухары, так и в интересах пролетариата России было поскорее покончить с авантюрой Энвера.

Эта авантюра ставила себе обширные цели. Энвер-паша мечтал не более не менее, как о создании халифата в составе Бухары, Афганистана и Туркестана и именовал себя „Главкомандующим всеми вооруженными силами Ислама“. Нити его агентуры густою сетью оплетали всю Бухару, перекидывались в Туркестан, шли еще далее в пределы Башкирской и Киргизской республик, а начало их следовало искать в Афганистане.

Столь заметная фигура, как Энвер, не могла не быть незамеченной и державами капиталистического мира. На этот козырь можно было рискнуть какой-либо ставкой и это обстоятельство также следует иметь в виду.

Короче говоря, завоеваниям бухарской революции начинала грозить опасность и русский пролетариат не мог равнодушно отнестись к попыткам контр-революции, направленным к уничтожению этих завоеваний.

Поэтому, согласно просьбы бухарского правительства, российские советские войска весной 1922 г. получили приказание очистить восточную Бухару от контр-революционных шаек и помочь бухарскому народу избавиться от бандитского и паразитического элемента, дабы приступить затем к мирному труду.

Опыт Гиссарской экспедиции был учтен Р. В. С. Туркестанского фронта, который мыслил себе новую экспедицию в виде движения вперед от рубежа к рубежу с обязательным политическим закреплением пройденного пространства.

Также мыслил себе организацию этой экспедиции и я, имея в виду еще и закрепление пройденных рубежей за собою и в военном отношении и прочную связь их с тылом путем соответствующей связи их с последним, оборудованными в хозяйственном отношении и обеспеченными гарнизонами достаточной силы коммуникациями.

Г Л А В А I.

Краткий обзор театра военных действий и его главнейших особенностей.

В своих записках я постараюсь дать лишь общую картину Бухары и привести лишь характерные и типичные ее особенности, как театра военных действий.

По начертанию своих границ страна напоминает полумесяц, вытянутый на протяжении 900 в. с северо-запада на юго-восток. Наибольшая ширина этого полумесяца 250 в., наименьшая 180 в. (на меридиане Файзабада). Почти на 600 верстах своего протяжения Бухарская республика является плацдармом, отделяющим Туркестан от Афганистана; через этот плацдарм проходят наилучшие и кратчайшие пути из Афганистана в Туркестан. Таково общее значение бухарского театра военных действий.

В условиях описываемого похода не трудно видеть, что по своему географическому положению Афганистан в отношении нашего театра занимал фланговое положение, почему политическая позиция последнего приобретала особое значение, а активное его выступление могло совершенно изменить весь план операции и ход кампании.

По распределению сил противника и их значению главным театром военных действий явилась восточная Бухара, начиная, примерно, от меридиана г. Байсуна, т. к. в районе последнего первоначально сосредоточивались главные силы Энвера-паши и наиболее влиятельных вождей восстания, а второстепенные по значению операции разыгрались в западной Бухаре, именно в долине р. Зарешана и на левом берегу р. Аму-Дарья, в районе укрепления Керки.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что главный театр военных действий является страной гористой, а второстепенные—равнинной, если не считать отдельного массива Нур-Атинских гор, в общем невысокого и легко доступного.

Горы главного театра военных действий, будучи вначале отрогами пограничного между Туркестаном и Бухарой Гиссарского хребта, в общем также не отличаются недоступностью. Главная трудность их заключается не в их рельефе и высоте, а в невозможности найти в них везде и в достаточном количестве воду, годную для питья и подножный корм, а также в отсутствии достаточно густой сети разбросанных через них путей. Лишь

отрог Гиссарского хребта, проходящий западнее Байсуна в юго-западном направлении и в южной своей части, носящий название Куштангских гор, образуя ряд невысоких столообразных вершин с обрывистыми, почти отвесными краями, доступен лишь в некоторых пунктах, главнейшим из которых является Аккутальский перевал, на старинном торговом тракте из Самарканда в Афганистан. Если противник владеет этим перевалом, то для того, чтобы проникнуть в восточную Бухару необходимо предпринять длинные обходы либо трудною горною дорогой от Яккабага через Сан-гардакский перевал на Юрчи, либо непосредственно вдоль берега р. Аму-Дарьи.

Значение Ак-Кутальского перевала вполне оценивалось древними полководцами. Он упоминается в произведениях арабских писателей. Тракт, на котором он лежит, искони являлся путем вторжений различных завоевателей в восточную Бухару и через нее в Индию.

По этому пути двигались и орды Тамерлана и много веков спустя красная конница, преследовавшая разбитые войска эмира в 1920 г. Во всех случаях Ак-Кутальский перевал являлся тем пунктом, который противник, препятствовавший вторжению, упорно старался удержать в своих руках. Название Кишлака, расположенного у его подножья—Дербент (железные ворота) указывает само по себе то значение, которое придавало этому перевалу в военном отношении местное население. Я лично считаю Ак-Кутальский перевал, лежащий в разветвлении путей на Байсун, Юрчи, Дюшамбе и на Ширабай, Термез одним из главнейших стратегических ключей восточной Бухары.

По мере продвижения на восток, горный характер страны становится все заметнее и заметнее и, наконец, в пределах Дарваза, Рушана и Шугнана мы встречаемся с солидными горными цепями и с рельефом местности, крайне затрудняющим действия значительных войсковых сил.

Но на большей части главного театра не горы сами по себе, а их безводность и бездорожье стесняют оперативную свободу войск. Такова же характерная особенность второстепенных театров военных действий. Их равнинность еще не является гарантией возможности свободно на них маневрировать. Отсутствие воды обращает равнины этих театров в песчаные пустыни. Пески заполняют значительные пространства Западной Бухары, оставляя лишь нетронутыми густо заселенный оазис р. Зарешана и узкие культурные полосы по берегам рек. Вода является регулятором всей жизни Бухары. Поэтому население зависит и тяготеет к этим источникам жизни и благополучия.

Выше я уже указывал на преимущественно земледельческий характер страны. В степной полосе и в горах, где трудно заниматься земледелием, жители усиленно занимаются и скотоводством.

Весьма трудно было бы учесть и то и другое, ибо сельско-хозяйственных переписей в Бухаре никогда не производилось. Могу только сказать, что местные средства в отношении продуктов земледелия не могли быть особенно велики, ибо страна в силу военных неурядиц переживала большую экономическую разруху. Население откочевывало из районов военных действий и от больших военных дорог в горы, покидая свои поля, которые, будучи не орошаемы, скоро обращались в пустыню, либо зарастали бурьяном. Во всяком случае нам следовало иметь в виду сильное сокращение посевной площади в Бухаре. Действительно, как по-

казали дальнейшие события, Бухара с трудом могла справиться с питанием сравнительно небольшой армии, действовавшей на ее территории минувшим летом, и вынуждена была прибегнуть в конце концов для этой цели к закупкам на внешнем рынке.

До империалистической войны в Бухаре процветала культура хлопка. Хлопок вывозился в Россию, а Бухара взамен него получала из России хлеб. Когда русский хлебный рынок закрылся для Бухары, она перешла к возделыванию хлебных злаков, сокращая постепенно площадь под хлопок, пока она совершенно, наконец, не исчезла. Проехав верхом всю Бухару, минувшим летом, я лишь в окрестностях Гиссара наткнулся на небольшую хлопковую плантацию. Хлопковая культура занимала много рабочих рук; большой заработок находило местное население и в занятиях караванным промыслом; последний также совершенно замер во время неурядиц в стране. Падение хлопковой культуры и караванного промысла освободило много рабочих рук, которые не находили себе применения, тем более, что отхожий промысел, которым занимались жители восточной Бухары, уходя на заработки в Фергану, также пал. Вот этим обилием ненаходивших себе применения рабочих рук в Бухаре я также отчасти объясняю себе ту легкость, с которой вожди движения комплектовали свои шайки и обилие этих последних.

В отношении скотоводства можно сказать то же самое, что и по отношению к земледелию. В последние годы оно падало, но этому была несколько иная причина. В беседе со мной бывший председатель диктаторской Комиссии в Восточной Бухаре Ахчурин указывал, что по его подсчетам во всей Бухаре должно было быть до 13 миллионов голов скота разного рода. Из этого количества, по его мнению, ушло в Афганистан лишь в течение одного 1920 года до 5 миллионов голов. Вполне возможно, что цифра эта преувеличена. Но, во всяком случае, несомненно, что скот непрерывно утекал из Восточной Бухары в Афганистан либо с перекочевавшими туда жителями, либо в обмен на оружие и огнестрельные припасы, в которых так нуждались бандитские шайки.

Не смотря на это обстоятельство вопрос о снабжении войск мясом не встречал никаких затруднений в минувшую кампанию в Восточной Бухаре.

Племенной состав населения страны довольно разнообразен, но преобладающим в нем по составу являются узбеки.

Характерно в распределении населения то обстоятельство, что чуждые узбекам национальности занимают окраины страны. Так, левый, а местами и правый берег р. Аму-Дарьи населен туркменами; в Восточной Бухаре мы встречаем уже преобладание таджикского населения, принадлежащего к покоренному некогда племени иранского корня; в гущу таджикского населения вклинилось в верховьях рек Кафирниган Дарьи и Вахша горное воинственное племя локайцев (узбекский род), перекочевавшее сюда лет 50—60 тому назад из Туркестана. Наконец, в районах Куляба и Бальджуана попадались и кочевья киргизов. Состав населения в городах еще более пестр. Мы встречали в них местных евреев, иранцев (персов), а в городах вдоль р. Аму-Дарьи довольно много русских—так в одном Термезе их насчитывается до 12.009.

Средняя Азия до сих пор является страной с неизжитыми религиозными и национальными предрассудками. На этой почве все указанные

племена, если не враждовали открыто, то неприязненно и пренебрежительно смотрели друг на друга. К русским они относились подозрительно и недоверчиво, видя в них завоевателей. Прежняя наша империалистическая политика в Средней Азии внушила им это предубеждение и Красная Армия была призвана разрушить его. В условиях настоящей кампании чрезвычайно интересно было узнать отношение к Афганистану местного населения. Это отношение не могло быть дружественным и не было им. Население Восточной Бухары хорошо помнило времена господства афганцев и те насилия, которые их власти допускали по отношению к местному населению.

Поэтому население могло пойти за Энвером, афганская ориентация которого не возбуждала сомнений, лишь по принуждению и в силу необходимости, а не добровольно.

По мере удаления на восток все более заметным становится полукочевой быт населения. Благодаря этому, оно с чрезвычайной легкостью покидало насиженные места и переселялось в иные. Особенно резко наблюдалось это явление, как я уже упоминал, в окрестностях военных дорог. Когда город Гиссар, довольно оживленный административный и торговый центр Восточной Бухары, оказался на такой военной дороге, то он постепенно был совершенно покинут жителями, переселившимися в другое место и, посетив его в июле месяце 1922 г., я нашел там лишь полуразвалившиеся дома и обратившиеся почти в тропическую заросль сады. Такая же судьба постигла город Сары, Асия и некоторые другие. Никто не может с точностью указать число народонаселения Бухары. Приводимые цифры колеблются между 4 и 6 миллионами. Я полагаю, что в силу событий последних лет точная цифра населения скорее приближается к меньшему, а не большему пределу. Особенно сильно эти события отразились на населении городов; некоторые из них совсем опустели, а население очень значительного города Карши уменьшилось, например, с 70 до 20 тысяч человек. О классовом составе населения я уже упоминал в своем введении к настоящему труду.

Добавляю еще, чтобы окончательно исчерпать вопрос о населении, его темнота и очень впечатлительный характер делают его весьма восприимчивым к религиозной пропаганде такого же темного и невежественного духовенства.

Я уже вскользь упоминал о том значении, какое в Бухаре имеют водные источники и их расположение. Теперь остановлюсь на этом вопросе подробнее. В той обстановке, в какой мне пришлось действовать, наиболее мощная водная артерия страны р. Аму-Дарья на большей части своего течения проходила вне главного театра военных действий.

Обилие переправ на этой реке, особенно там, где она является пограничной между Бухарой и Афганистаном, уменьшало ее значение, как преграды, обеспечивающей фланг войск, действующих в Восточной Бухаре, со стороны Афганистана, в случае активного его вмешательства в совершающиеся в Бухаре события.

Несравненно большее значение могла представить эта река, как вспомогательная, благодаря своему положению (на внешнем фланге армии), удобная водная коммуникационная линия при условии наличия на ней достаточного водного транспорта. Эту свою роль она и выполнила в течение описываемой операции. Известное значение представляли

ее правые притоки в пределах главного театра, во-первых, по направлению их течения, пересекавшему большинство путей вглубь Восточной Бухары, а во-вторых благодаря их размерам и свойствам течения.

Характерной особенностью этих рек являлось их бурное и быстрое течение, изменчивые броды, состояние которых весьма зависело от таяния снегов на Главном Гиссарском хребте, откуда большинство этих рек берет свое начало. Постоянные переправы были очень редки; мосты имеются лишь в верховьях рек; во время нашего продвижения в Восточную Бухару они почти все были уничтожены отрядами Энвера. Переправы на среднем и нижнем течении производятся посредством каюков, число которых было чрезвычайно ограничено. Чтобы охарактеризовать состояние этих переправ, приведу некоторые данные о реке Кафирниган Дарья. В момент нашей переправы через эту реку на переправе у г. Кабадиана имелось всего два каюка, общей вместимостью на 4 лошади или на 30 человек; каюки были старые и постоянно чинились нашими частями.

В Айвадесе на той же реке имелся всего один каюк, который впоследствии пришлось перегнать на р. Вахш, когда пришлось через нее переправляться. На переправе у Баш Чарвака, выше Кабадиана, совсем не было каюков и ею не пришлось вовсе пользоваться. На реке Вахше, на переправе Кызыл Кала близ города Кургантюбе имелся один каюк на десять лошадей и бурдюки, но они были уничтожены противником при нашем приближении.

Благодаря таким свойствам этих рек и необорудованности переправ на них, мы на переправах через них теряли почти столько же людей, сколько и в стычках с противником.

Наиболее значительными из этих притоков являются р. р. Сурхан, Кафирниган, Дарья и Вахш. Упомяну еще о притоке р. Сурхана-Туполанг Дарье. Ее крайнее бурное течение и капризные броды унесли много жертв у противника при его поспешном отступлении через эту реку под натиском наших войск, но вырвали несколько жертв и у нас. Самое ее название Туполанг, что значит сумасбродный, чрезвычайно метко определяет ее свойства.

Таким образом, вода в Восточной Бухаре, являясь источником жизни для тех мест, по которым она протекает, является вместе с тем и грозной стихией, силу и значение которой испытывает на себе всякий путешественник по Восточной Бухаре.

Распределение водной сети, обуславливая распределение населения, а следовательно и поселений вдоль водных артерий, или вблизи них, предполагает и густоту сети путей. Как общее правило, они тянутся вдоль рек или тех направлений, которые обеспечены водою. Поэтому сеть грунтовых путей гораздо гуще в долине Заревшана и вдоль берегов р. Аму-Дарья и ее притоков.

Недостатка в колесных путях в Западной Бухаре не ощущается; в Восточной Бухаре, хотя по долинам многих рек, особенно реки Сурхана и можно бы свободно ездить на колесах, но восточнее города Байсуна жители пользуются исключительно вьючным транспортом для передвижения тяжестей и не держат повозок, так что на местный колесный транспорт в Восточной Бухаре войскам рассчитывать не приходится.

Следует упомянуть о характерной особенности многих горных путей в Восточной Бухаре. Это система карнизов. Дорога, идущая по естественной выемке скалы, вдруг прерывается пропастью, и тогда этот промежуток заполняется настилом из досок или плетня, держащимся на кольях, вбитых в толщу скалы. Карнизы встречались также и на пути от Яккабага в Юрчи через Сангардакский перевал. Значение карнизных путей для боевых действий войск заключается в том, что при передвижении по ним небольших отрядов карнизы в тылу у них и спереди могут быть разрушены противником и отряд может попасть в безвыходное положение. Поэтому, двигаясь по карнизам в сфере влияния противника или среди враждебно настроенного к нам населения, всегда следует оставлять для обеспечения этих карнизов в тылу у себя особые посты.

Железнодорожная сеть в Бухаре, как это видно из карты, развита весьма слабо; Западную Бухару пересекает среднеазиатская железная дорога; со станции Каган (Новая Бухара) от нее отходит, единственно теперь эксплуатируемая, ветка на г. Карши.

Железнодорожный путь на Гузар, Шахрисяба и Керки, Термез был разрушен во время большого анти-русского движения 1918 г. Благодаря этому, постройка железной дороги от Термеза через Дюшамбе на Файзабад также не осуществилась. Из пунктов, имеющих политическое, административное и торговое значение, отмечу г. Старую Бухару, столицу Республики, г.г. Карши, Гузар, Байсун, Дюшамбэ, Куляб.

Стратегическое значение имеют: г. Чарджуй (железнодорожный мост через р. Аму-Дарья и узел путей), г. Карши—узел путей в Западной Бухаре, лежащий на кратчайших путях из Афганистана в Туркестан и конечный пункт железной дороги, г. Керки, укрепления которого преграждают путь по левому берегу р. Аму-Дарья из Афганистана к Чарджую и, наконец, с Дербент Ак-Кутальского перевала; в Восточной Бухаре укажу на укрепление Термез, место подготовляемой в прежнее время переправы русских войск для вторжения в Афганистан и г. Куляб, узел путей, отходящих от переправ на р. Аму-Дарья вглубь Восточной Бухары.

Положение главного объекта военных действий—Восточной Бухары определяло и важнейшие операционные направления. По свойствам страны, чрезвычайно ограничивающим, в силу неравномерного распределения водной площади, пространство, пригодное для действий и передвижений значительных войсковых сил, эти направления не могли быть многочисленны. Действительно, в описываемом случае таковых можно отметить только два: одно вдоль тракта Карши, Дербент и далее на Байсун, Денау, Юрчи, Гиссар, Дюшамбэ, Файзабад и другое вдоль берега р. Аму-Дарьи.

Первое должно было явиться главнейшим, ибо вело кратчайшим путем к ближайшему главному объекту наших действий—живым силам Энвера-паши, было более оборудовано во время предшествующих операций и было более безопасно по своему сравнительному удалению от Афганистана, роль которого в предстоящих событиях не подвергалась еще точному учету. Мое внимание останавливалось еще на третьем направлении, которое могло быть использовано, как вспомогательное направление и могло обеспечить значительную маневренную свободу наших

войск в долине р. Сурхана и в Восточной Бухаре в случае активного выступления Афганистана.

Я разумею направление Яккабаг, Сангардакский перевал, Юрчи. К сожалению, путь, совпадавший с этим направлением, нуждался в большой предварительной работе, чтобы сделать его удобопроходимым для войск; карнизы на этом пути во многих местах либо разрушались от времени сами, либо были разрушены жителями. На исправление их требовались средства и живая сила; ни тем, ни другим в момент моего вступления в командование я не располагал в достаточном количестве, а бездействие Афганистана позволило обойтись и без использования этого направления.

Впоследствии, уже в Москве, я узнал от одного из участников, что этим направлением воспользовалась в свое время одна из колонн I Туркестанского армейского корпуса, во время больших маневров 1912 г. в Туркестанском военном округе. Учитывая двусмысленность положения Афганистана перед началом нами летней кампании в Бухаре, следовало принять во внимание важнейшие операционные направления из Афганистана в Туркестан.

Таковыми, на мой взгляд, могли явиться: направление Андхой, Керки, Карши (120 в.) с вариантами на Бухару, Кермине, Самарканд.

Направление Мазары, Шериф, Чушка Гузар или, Термез, Дербент, Гузар, Шахрисяба, Самарканд (370—380 в.). Эти направления вели во фланг и тыл армии, оперирующей в Бухаре фронтом на восток, и выводили, особенно первое из них, на ее сообщения, в чем и заключалось их, опасное для нас, значение.

Это обстоятельство требовало такой группировки войск, оперирующих в Бухаре в восточном направлении, чтобы всегда была возможность все их или большую часть перестроить фронтом на юг, а возможность перемены операционной линии выдвигало важное значение в таком случае пути Самарканд, перевал Тахта Карача, Шахрисябз, Гузар, как запасной коммуникационной линии.

Кроме того, эти направления надлежало на все время операции непосредственно обеспечить соответствующей силы заслонами.

Теперь остановлюсь еще на обстоятельстве, которое тоже имело не маловажное и тяжелое для нас значение в описываемом мною походе. Я говорю о климате; климат Бухары, по моему убеждению, является одним из наиболее трудно переносимых европейцами.

Палящий зной летом, достигающий 68° по Реомюру, гнилая зима в местностях равнинных и суровая и снежная в горах—таковы его характерные особенности.

Целый ряд своеобразных свойственных только климату болезней, распространен по всей Бухаре. Из них наиболее распространена малярия, являющаяся буквально бичем Бухары; не избавлено от нее и местное население, но особенно подвержены ей лица только что прибывающие в страну, особенно летом из более умеренных климатов. Наибольшего своего развития малярия достигает в течение лета и части осени. Эпидемия 1922 года была особенно сильна и очень сильно отразилась и на наших войсках.

В условиях описываемого мною театра борьба с природой и ее силами приобретала особое значение. В таких условиях подготовка к ведению

операций должна была быть проведена с чрезвычайной предусмотрительностью. Не следует забывать ни бездорожья театра, ни того обстоятельства, что длина главной коммуникационной линии (считая от ст. Карши) достигала 300 в. исключительно грунтовой дороги; правда, участок ее от Гузара до Дербента был участком хорошего колесного тракта, который впоследствии был приспособлен нами и для грузового автомобильного движения, путем усовершенствования мостов, имеющих на этом пути. По степени их влияния на ход военных действий, я на первое место поставлю пустыни, потом реки, наконец горы, несмотря на то, что главные операции разыгрались исключительно в горной обстановке.

ГЛАВА II.

Силы противника, их распределение на театре военных действий. Наши силы и средства.

К тому времени, когда в принципе была решена новая экспедиция в Восточную Бухару, все контр-революционные и беспокойные элементы группировались около двух наиболее заметных предводителей.

В Восточной Бухаре Энвер-паша, опираясь на горное и полунезависимое племя локайцев, мог рассчитывать на вооруженную силу общию численностью до 10000 человек. Я не хочу сказать, что всеми этими силами Энвер-паша мог распорядиться вполне свободно в любую минуту.

Как показали дальнейшие события, в это число входил, если можно так выразиться, и „территориальный“ резерв Энвера-паши в виде локайцев, бравшихся за оружие и выходивших в поле в особо исключительных условиях по призыву своего вождя Ибрагим-бека. Я лично считаю, что вполне свободно в оперативном отношении Энвер-паша мог распоряжаться лишь 2500—3000 человек, считая в том числе небольшие афганские отряды, разновременно к нему прибывавшие.

Все эти силы группировались в треугольнике Байсун, Ширабад, Дюшамбе, упирая свой тыл в район, населенный локайцами. Наибольшей плотности расположение противника достигало в районе г. Байсуна, который был занят небольшим нашим гарнизоном.

В Западной Бухаре, преимущественно в долине Заревшана, имея в г. Нур-Ата свою базу, оперировал другой, выдвинувшийся в минувшее лето предводитель, мулла Абдул Кагар, о котором я уже выше упоминал.

В шайках Абдул Кагара насчитывалось до 2000 человек; иногда его усиливали шайки, заходившие в Бухару со стороны Самаркандской области. Впрочем я считаю, что и у Абдул Кагара количество сил, бывших всегда у него под рукою, не превышало 700—800 человек.

Кроме этих двух, наиболее значительных группировок, можно было рассчитывать еще и на движение туркмен, руководимых из подвластного Афганистану Андхайского ханства, о силах их судить пока было трудно, ибо движение еще не успело выявиться в достаточной мере. Упомяну еще о небольших бродячих, чисто разбойничьего характера, шайках в окрестностях г.г. Карши и Шахрисяба, а также о небольшой шайке, состоявшей из курсантов Бухарской военной школы в числе 70 человек,

бежавших вместе с Бухарским военным назиром Арифовым, родом башкирцем, который некоторое время служил раньше в армии Колчака. Шайка эта скоро исчезла с нашего учета, и я полагаю, что она растворилась в шайках муллы Абдул Кагара, а Арифов бежал в лагерь Энвера и ничем особенным в дальнейшем ходе бухарских событий себя не проявил.

Всего на территории Бухары наша разведка насчитывала до 14—16 тысяч противника, из них половина вооруженных. Я могу сказать, что вообще учет вооруженных сил, с которыми мы могли иметь дело, не мог подлежать сколько-нибудь точному подсчету. Несомненно, что наши неудачи сильно увеличили бы это первоначальное число, а наши успехи способствовали их уменьшению.

Из наиболее выдающихся вождей, кроме Энвера-паши и муллы Абдул Кагара, я упомяну еще об Ибрагим-беке, главе племени локайцев, Ишан султানে, пользовавшемся большими известностью и уважением со стороны жителей Восточной Бухары и, наконец, о Даниар-беке, очень энергичном и предприимчивом партизане, служившем некогда в Кавказской дикой дивизии. Даниар-бек стоял во главе отряда в 400 человек, хорошо вооруженных, обладал пулеметами и со своим отрядом делал нередко набеги на наши сообщения и портил нашу телеграфную линию.

Было у Энвера и несколько турецких офицеров, но они проявили себя мало и лишь начальник штаба Энвера-паши Хасанов сделался известен, как начальник отряда, прикрывавшего сообщения Энвера с Афганистаном.

Не могу сказать, чтобы полное согласие царило в стане противника. Многие из упомянутых главарей враждовали с Энвером-пашой, как с пришельцем, во всех отношениях отличающимся от них; они опасались Энвера и интриговали против него, но последний находил всегда сильную поддержку в лице бывшего эмира, который своим авторитетом много раз улаживал недоразумения между Энвером-пашой и Ибрагим-беком.

Соперничество между этими наиболее видными предводителями иногда принимало очень резкие формы и дело чуть ли не доходило до открытого разрыва между ними.

Отряды противника, особенно в начале кампании были почти исключительно конные. Комплектовались они в значительной мере по территориальному признаку, при чем, будучи по существу партизанскими, они, как это водится у партизан из местного населения, могли собираться полностью лишь периодически и крайне неохотно покидали родные места. Это их свойство и отразилось на всем образе действий противника: ни Энвер-паша, ни мулла Абдул Кагар не могли с такими отрядами предпринять длительной и сложной операции, ибо главная масса их сил последовала бы за ними лишь до известного предела.

Только отряд Даниар-бека, да еще отряды профессионалов басмачей, пробиравшиеся иногда к Энверу из пределов Туркестана, являлись в полном смысле этого слова экстерриториальными.

Вооружение партизан было разнородно: начиная от одиннадцати зарядных английских винтовок и русских трехлинейек и кончая берданками и туземными мултуками. У Энвера и Абдул Кагара было по несколько пулеметов, частью испорченных, частью не имевших лент и во всяком случае не принесших им особой пользы в последовавших боях.

Снабжение этих отрядов огнеприпасами происходило частью из Афганистана, частью путём скупки патронов на рынках Бухары, Туркестана и даже Европейской России.

Обладая отличным конским составом и хорошо зная местность, отряды Энвера-паши и муллы Абдул Кагара были неутомимы в больших переходах, трудно уловимы и искусны в нечаянных нападениях и засадах.

Легко поддающиеся впечатлениям боя, они могли быть способны к большому порыву в начале боя, но этот порыв был непродолжителен; артиллерийского огня и решительной смелой атаки кавалерии они не выдерживали; жили они исключительно на местные средства, при чем использование этих последних носило беспорядочный характер и вызывало нарекания местных жителей.

Энвер-паша старался внести начала регулярной организации в эти отряды и приучить их к регулярному бою, но из этих попыток, повидимому, ничего не вышло.

Однако, не взирая на чисто партизанский состав и характер своих отрядов, Энвер-паша думал действовать с ними, как с регулярными частями, принимая бои с нашими частями, что его в конце концов и погубило.

Наоборот, мулла Абдул Кагар, как природный партизан, правильно оценивал сильные и слабые стороны своих войск и всегда избегал открытого боя с нашими войсками при мало-мальски сомнительных шансах на успех; он умело избегал решительных поражений, почему борьба с ним приняла длительный характер, и потребовала длительного напряжения усилий для его ликвидации.

Первоначально предназначенные Туркестанским фронтом для действий в Бухаре, войска оказались недостаточными, имея в виду необходимость не только ликвидировать живую вооруженную силу противника, но и оккупационным порядком занимать известные районы и действовать на территории чрезвычайно обширной. Силы эти были увеличены еще одной стрелковой бригадой, сформированной специально для действий в Бухаре в Европейской России и еще одним кавалерийским полком.

Впоследствии из России же и отчасти с Кавказа были двинуты и еще более значительные подкрепления.

Вооружение и снабжение войск, предназначенных для действий в Бухаре было в общем удовлетворительно, но обозом они были обеспечены далеко не соответственно той обстановке, в которой приходилось действовать; особенно слабо были обеспечены обозом войска, прибывавшие из Европейской России, а вновь сформированная бригада следовала и вовсе без запряженного обоза и с незапряженной артиллерией.

Эта бедность в обозах была самою слабою нашею стороною, сильно отразившейся на ходе всей операции и времени ее начала.

Армейские транспорты в сущности отсутствовали также; фронтом был прислан всего лишь один транспорт, состоявший из ломанных повозок, которые уже пришлось чинить на месте и без единой лошади.

Армейские транспорты пришлось формировать импровизированным путем во время подготовки к операции в течение ее самой, при чем много в этом отношении нам помогли верблюды, отбитые у противника.

Дисциплина и дух старых Туркестанских полков были хороши; их несколько портили укомплектования, только что прибывшие из сокращае-

мых по штатам частей, особенно в кавалерии. Однако, усиленно проведенная политическая работа скоро сгладила всякую разницу. Не могу пожаловаться в отношении дисциплины и духа и на войска, присланные из Европейской России.

Условия сосредоточения были для нас неблагоприятны, имея в виду бедность театра военных действий железнодорожными путями и плохое состояние войсковых и армейских транспортных средств. В силу этих причин оно должно было совершаться и совершалось медленно.

Обращаясь к сравнению сил и средств сторон, необходимо отметить, что Энвер-паша и мулла Абдул Кагар безусловно превосходили нас в подвижности и первоначально в численности, но технически и организационно мы были несравненно сильнее их.

Самой слабой стороной военной организации Энвера-паши, роковым образом повлиявшей и на неуспех его первых столкновений с нами, было полное отсутствие у него артиллерии и в общем слабое вооружение и скудость в пулеметах, в то время, как мы во всех боевых столкновениях в обширных размерах могли применять артиллерийский и пулеметный огонь.

ГЛАВА III.

Подготовка и планы обеих сторон.

Встав во главе контр-революционного движения в Бухаре, Энвер-паша широко развил организационную и агитационную работу.

Его эмиссары и курьеры с письмами направились в Западную Бухару к туркменам и в Туркестан. Все контр-революционные элементы Средней Азии насторожились и со вниманием присматривались к назревающим событиям. Он обнародовал ряд воззваний к населению, где выставял себя защитником Ислама и независимости мусульман от империалистических поползновений большевиков. Объявляя себя уполномоченным Эмира и действуя его именем, Энвер-паша в действительности преследовал цели, о которых я уже говорил выше; ближайшей же его целью являлось изгнание российских Советских войск из Бухары и свержение Бухарского Советского Правительства.

Агитация и воззвания Энвера-паши не произвели особого впечатления на широкие массы населения Восточной Бухары; только грубой силой можно было принудить его встать в ряды Энвера; особое безучастие выказали таджики, по отношению к которым Энвер-паша вынужден был даже прибегать к принудительной мобилизации.

Как я уже указывал, местные главари не доверяли Энверу и опасались его; таким же отношением пользовался он и со стороны масс, но в его руках была реальная сила в виде 800—1000 человек афганцев и эта сила гарантировала в известной мере его авторитет и положение.

Мне кажется трудно с уверенностью сказать о том плане военных операций, который разработал Энвер-паша, ибо в этом отношении я не располагаю никакими документами.

Я полагаю, что он решил первоначально держаться выжидательного образа действий, усиленно организуя и собирая свои силы и ожидая, пока его агитация в Туркестане и иных местах даст свои плоды. В дальнейшем он, вероятно, предполагал соединиться с повстанцами Западной Бухары и Самаркандской области, свергнуть Бухарское Советское правительство и водворить в Бухаре изгнанного Эмира.

Тактическим объектом своих действий он избрал Байсун, занятый небольшим нашим гарнизоном, пункт, не имевший решительно никакого стратегического значения: время от времени он делал атаки на Байсун, всегда отбиваемые нашими стрелками; какое-то непостижимое притяже-

ние к Байсуну проходит красною нитью через все операции Энвер-паши, пока, наконец, он не был разбит нами под тем же самым Байсуном. Вся активность Энвер-паши только и выразилась в нескольких нападениях на Байсун, да еще в высылке несколько раз отряда Даниара бека для порчи телеграфных линий у нас в тылу. И это происходило тогда, когда Энвер-паша мог еще взять наступательную инициативу в свои руки.

Когда же мы достаточно сосредоточились и сами готовились перейти в наступление, план Энвер-паши, судя по его расположению, свелся к тому, чтобы, удерживая главную массу своих сил по-прежнему на Байсунском направлении, обеспечить фланги своего расположения отдельными отрядами у Сангардакского перевала и у Ходжа Милька от глубокого обхода.

При таком расположении следовало подумать об обеспечении связи с Афганистаном и сообщений с ним. Эта роль была возложена, повидимому, на начальника Штаба Энвер-паши Хасанова с отрядом в 400—500 человек; отряд этот держался сначала у Кабадиана, затем, теснимый нашими войсками, отошел на Куляб.

По мере отхода этого отряда изменялась и коммуникационная линия, по которой происходило сообщение Энвер-паши с Афганистаном; сначала она, очевидно, шла, как о том можно было судить из показаний пленного афганца, через переправу Айвадис на Кабадиан, Акмечеть, Денау, Юрчи, а затем, повидимому, она была отнесена на Сарай-Камарскую переправу и г. Куляб.

Невольно возникает вопрос, почему Энвер-паша, базируясь материально на Афганистан, не избрал местом сосредоточения своих сил район более близкий к нему и не предпринял попытки овладеть укреплением Термез; этот пункт стратегически был более важен, чем Байсун и обещал дать ему значительные огнестрельные припасы и вооружение; в чем сильно нуждался Энвер. Вместо этого Энвер-паша предпочел ничтожный по своему военному значению г. Байсун и длинную коммуникационную линию, отходящую от фланга и тянущуюся вдоль всего фронта его расположения.

Разгадку этому я лично усматриваю в том, что главной своей базой в отношении пополнения себя живой силой и продовольствием он считал район, населенный локайцами, и те районы, которые находились под влиянием их вождя Ибрагим бека. Располагаясь у Байсуна, Энвер-паша как раз опирался тылом на эти районы.

Ничем иным, как только этим, я не могу себе об'яснить столь странной группировки сил Энвер-паши при данной обстановке.

При назначении моем командующим группой общая идея операции сложилась у меня еще в Москве и окончательно оформилась в Ташкенте. Мне предстояло иметь дело с двумя противниками, из коих один был на фронте, а другой оперировал в тыловом районе. Благодаря своему положению они растягивали мои силы по различным направлениям. Правда, я тоже имел выгоду в том, что мог, так сказать, действовать по внутренним операционным линиям Когод, наконец, движение туркмен оформилось, а у меня появился еще третий противник уже на фланге. Предстояло решить вопрос, кого же из этих трех противников избрать главнейшим об'ектом своих действий. Ни у кого не было сомнения

в том, что таковым объектом должны были явиться живые силы противника, возглавляемые Энвером-пашей. В его лице мы наносили чувствительный удар всему панисламистскому движению в Средней Азии.

Но идея, правильная сама по себе, должна была правильно быть проведена в жизнь. С начала и до конца операции, т.-е. до смерти Энвера-паши я старался наиболее резко провести эту идею и в соответствующей группировке войск. Я считал возможным ограничиться на второстепенных театрах лишь строго необходимым количеством войск, лишь бы только не подвергнуть их риску отдельного поражения; я бы согласился даже на временные неудачи и затяжную борьбу скорее, чем на выдергивание частей из войск главного театра для действий на второстепенных театрах.

Ход событий оправдал правильность выбора войск Энвера-паши за главный объект действий. Когда остатки их вместе с их предводителем были загнаны, наконец, в дебри Восточной Бухары и сам он пал на поле сражения, руководимое им движение быстро пошло на убыль.

Невыяснившееся положение Афганистана не исключало возможности его активного выступления в пользу Бухарской контр-революции; я должен был считаться с этой возможностью и предусмотреть меры противодействия ей. Особенно опасным для нас это выступление могло оказаться тогда, когда наши войска достаточно углубились бы в Восточную Бухару и получили бы неожиданный удар по тылу и сообщениям со стороны направления Керки, Карши. Поэтому в первое время следовало прочно обеспечивать Керки (бывший там гарнизон в одну стрелковую роту был, конечно, до смешного мал и в районе Карши иметь стратегический резерв достаточной силы, чтобы преградить противнику путь в глубь нашего расположения от переправ через р. Аму-Дарью западнее меридиана крепости Термез. Этой задаче удовлетворяло расположение моего стратегического резерва в районе Карши—Гузар.

Впоследствии, когда положение Афганистана достаточно определилось, надобность в этом миновала и можно было ограничиться лишь обыкновенным обеспечением гарнизонами городов Карши и Гузара, а излишняя часть стратегического резерва пошла на обеспечение коммуникационной линии обеих колонн, ведущих активные операции в Восточной Бухаре.

Идея моего плана командования заключалась в следующем: действуя двумя колоннами, одной, двигавшейся первоначально вдоль правого берега р. Аму-Дарья, а затем сворачивавшей на северо-восток в направлении на Курган Тюбе, охватить сообщения Энвера-паши с Афганистаном, прочно обеспечить за собою все переправы на Аму-Дарье и в случае надобности помочь соседней колонне, а другой, действовавшей на операционном направлении Байсун—Дюшамбе, разбить живую силу противника и отбросить ее остатки на фронт соседней (правой) колонны, которая и должна была их окончательно добить.

Ближайший рубеж, который должны были захватить обе колонны и утвердиться на нем, намечался на линии Айвадис, Кабадиан, Юрчи; в дальнейшем обе колонны должны были выйти на рубеж Сарай Камарская переправа, г. Куляб, г. Бальджуан, г. Файзабад, г. Кафирниган и утвердиться на нем, предприняв отдельными летучими отрядами очистку от банд Каратегина, Дарваза, Рушана и Шугнана.

Когда из России начали прибывать подкрепления, на которые первоначально не рассчитывалось, то явилась возможность прежде всего усилить обе колонны (см. приложение № 1), а затем более прочно связать их с тылом путем более густого занятия гарнизонами их коммуникационных линий.

Первоначально в Дербенте и Ширабаде я предполагал иметь также подвижные стратегические резервы, которые, продвигаясь вслед за колоннами, до некоторой степени обеспечивали их тыл и могли бы оказывать им помощь; прибытие значительных подкреплений из России, как я уже упоминал, позволило прочнее обеспечить их тыл, заняв гарнизонами всю их коммуникационную линию. О расположении общего стратегического резерва и его значении я уже сказал выше. Заслоны в сторону Афганистана предполагалось, кроме того, иметь в Чарджуе, Керках и Термезе.

Всего в активных операциях (считая и часть стратегических резервов) должно было принять участие 75% пехоты, 90% конницы и 90% артиллерии.

Для обеспечения тыла и обеспечения операции (заслоны в сторону Афганистана) я считал возможным выделить 25% пехоты, 10% конницы и 10% артиллерии.

Я ходатайствовал об обеспечении всей армии, действующей в Бухаре месячным запасом огнестрельных припасов в г.г. Кагане и Самарканде; эти запасы должны были явиться моими основными артиллерийскими базами.

Длинное операционное направление и предвидимая мною бедность в войсковых и армейских транспортах заставляли особенно внимательно отнестись к вопросам снабжения огнестрельными припасами войск в дальнейшем.

Как выход из положения, я хотел рассредоточить огнестрельные припасы в пространстве, приблизив их к войскам и использовав для перевозки их в качестве подсобного средства, транспорт местного населения. Поэтому промежуточные артиллерийские базы и полевые склады огнестрельных припасов намечались мною еще в Каршах, Дербенте, Ширабаде, а впоследствии и в Кабадиане и Юрчах.

С большим трудом эти предположения удалось осуществить, правда, с запозданием во времени и с постепенным наполнением этих складов предположенной нормой огнестрельных припасов уже во время хода самой операции.

Исходя из того же принципа, продовольственные склады и базы намечались в тех же пунктах, что и артиллерийские. Кроме того, предполагалось учредить склады продовольствия и на всех этапах, но осуществлялся этот проект с большим запозданием и трениями. Пополнять базы должно было, согласно конвенции, Бухарское Правительство. Оно это и делало в меру возможности, но все-таки еще в конце июля продовольственные магазины в Юрчах, Байсуне, Дербенте, Ширабаде и по всей коммуникационной линии были еще пусты.

Инженерная подготовка театра должна была выразиться в усовершенствовании укреплений Керки и Термеза, в устройстве небольшого тет-де-пона в Чарджуе и в восстановлении разрушенных блокгаузов, почтовых станций на главной коммуникационной линии, а также в исправлении тракта Гузар, Дербент, Термез и устройстве на нем более прочных мостов для автомобильного движения.

Этих заданий было вполне достаточно для немногочисленных в общем инженерных частей группы.

Кроме постоянных лечебных заведений в Термезе, Керках, Чарджуе и Кагане, имелись еще полевые госпитали в Каршах и Гузаре; последний был перед началом операции передвинут в Байсун.

Эти лечебные заведения в совокупности давали за округлением 600 стационарных мест и считая кругооборот койки в 10 дней можно было рассчитывать на пользование в них до 2000 больных в месяц. Этого количества госпиталей, конечно, хватило бы, если бы состав армии оставался прежним и малярия не получила столь широкого распространения, как это в действительности случилось минувшим летом.

Главная коммуникационная линия: сначала железнодорожный путь Каган—Карши, а затем колесный путь Гузар, Дербент, была уже отчасти оборудована; на вспомогательной коммуникационной линии р. Аму-Дарье имелись пароходы и баржи.

Запасной коммуникационной линии Самарканд, Шахрисябз, Гузар специально оборудовать не предполагалось, а имелось в виду лишь обеспечение ее соответствующим расположением войск.

ГЛАВА IV.

Сосредоточение и развертывание сил и средств. Ближайшие задачи в этой области и их разрешение. Операции под Керками, Нур-Атой и Байсуном.

23 апреля я вступил в фактическое командование войсками Бухарской группы.

На месте я застал сформированное недели за три до моего приезда управление по типу армейского, созданное тогда, когда развитие повстанческого движения в Западной Бухаре, поднятого муллой Абдул-Кагаром, потребовало спешной переброски в Западную Бухару подкреплений из Туркестана.

С помощью этих подкреплений удалось предотвратить угрозу г. Бухаре, обеспечить некоторые административные центры в долине р. Заревшана и линию железной дороги.

Мулла Абдул-Кагар получил несколько чувствительных ударов и его шайки были отогнаны частью в гористый район г. Нур-Ата, частью к границам песков.

Войска, оперировавшие против Абдул-Кагара, группировались главным образом вдоль линии железной дороги, в долине Заревшана. В предвидении возможности более упорной борьбы с Абдул-Кагаром на линии железной дороги временно задержались и войска, вообще назначенные для операций в Бухаре. Большинство войск, следовавших из пределов Туркестана в Бухару, уже достигли ее, при чем часть из них следовала походным порядком от Самарканда через перевал Тахта-Карача на Шахрисябз.

Таким образом, общее положение в момент моего прибытия можно охарактеризовать так: острота момента в борьбе с Абдул-Кагаром уже миновала и заканчивался подход подкреплений, назначенных для действий в Бухаре из состава войск Туркестанского фронта. Войска, долженствовавшие прибыть из Европейской России, еще не обозначались ни у Оренбурга, ни у Красноводска.

В момент вспышки борьбы с Абдул-Кагаром войска вводились в дело по мере их подхода к районам боевых столкновений. Ныне, в период относительного затишья предстояло восстановить крупные организа-

ционные соединения (полки), разграничить районы действий войск, назначив боевые участки и состав войск, в них входящих, установить оперативную подчиненность и приступить к подготовке к главной цели операции и сосредоточению для нее войск.

Таковы были непосредственные задачи в чисто оперативной области, которые я себе поставил в первый же день моего прибытия. Кроме них предстояла еще сложная организационная и подготовительная работа и в иных областях управления армией.

Прежде чем перейти к описанию этой работы, я для уяснения всей полноты обстановки приведу здесь данные о составе войск, которые первоначально находились в моем распоряжении, их состоянии и способах их довольствия и снабжения.

Состав войск, первоначально входящих в Бухарскую группу, я привожу в приложении № 2.

В отношении состояния войск должен отметить, что стрелковые полки, не будучи мобилизованы, почти все были в некомплекте. Особенно сильно чувствовался некомплект в войсковых частях, долго пробывших в Бухаре и не успевших оправиться еще после Гиссарской экспедиции; так, например, в 7 стр. полку некомплект достигал 68%, а в 8 стр. полку он исчислялся в 45%, а в 12 стрелковом в 25%.

Остро чувствовался недостаток конского состава в полках пехоты. Полки, долго простоявшие в Бухаре и успевшие уже принять участие в боевых действиях, успели несколько восполнить этот недостаток, но во вновь прибывавших полках дело обстояло очень остро. В 4 стр. полку, например, некомплект лошадей по штату мирного времени достигал 29%, а в 5 стрелковом он даже доходил до 55%. Бригада же, следовавшая из России, должна была притти и совсем без конского состава.

Главная роль в предстоящем походе в Восточную Бухару выпадала на долю кавалерии. При условии поднятия на вьюки полковых обозов, некомплект лошадей в коннице бросался в глаза еще резче, чем в пехоте.

Для иллюстрации привожу следующие цифры: в 1-м кав. полку некомплект лошадей достигал 28%, а во 2-м кав. полку не хватало 22%, в 15 кав. полку 59%, в 16 кав. полку 26% и, наконец, в 10 кав. полку, только что прибывшем из России, не хватало до штата 98% лошадей.

В артиллерии дело обстояло несколько лучше, но и то полевая батарея 3 стр. бригады для того, чтобы двинуться в поход, нуждалась в 116 человеках артиллерийской прислуги и в 120 строевых артиллерийских лошадях. В своем настоящем положении она являлась даже не артиллерийской частью, а пушками с караулом при них.

В конной артиллерии в 8 конно-горной батарее был довольно значительный некомплект лошадей, достигавший 36%.

8 кавалер. бригада в отношении конского состава была боеспособна всего на 50%. Ей необходимо было дать пополнение в 870 лошадей.

Обеим кавалерийским бригадам не хватало седел и конской принадлежности: 1-я кав. бригада предъявляла требование на 500 седел, 2000 недоуздов и проч. принадлежность.

Ей не хватало также 732 шашек. 8 кав. бригада просила 600 строевых и 240 вьючных седел, чтобы стать действительно способной для активных операций.

Артиллерийский парк 3 арт. бригады также не имел ни одной лошади. В момент моего прибытия транспортные средства собственно армии почти отсутствовали: имелось два автогрузовых отряда; из них один (№ 1) по состоянию своему мог работать только на ст. Каган, а другой, хотя и был сильнее (№ 23) на ходу имел всего 8 грузовиков и испытывал постоянную нужду в горючем и смазочных материалах.

Несколько дней спустя после моего прибытия был прислан армейский транспорт № 66, но о состоянии его я уже упоминал выше (одни повозки, нуждавшиеся в ремонте).

В отношении обмундирования и снаряжения войск были, конечно, тоже недостатки, но они не являлись вопиющими и могли быть в значительной степени восполнены теми нарядами, получка которых ожидалась с фронта. При правильном распределении запасов обмундирования и снаряжения, а главное при современной подаче его вперед к войскам передовой линии можно было надеяться, что войска не будут испытывать лишений в этом отношении.

Согласно конвенции с Бухарским Правительством, оно брало на себя заботу о продовольствии войск, действующих в пределах Бухары.

В основной паек входило ежедневная дача хлеба в количестве 2-х фунтов и мяса 1 фунт с установленной для Красной Армии нормой прочих продуктов. Колониальными продуктами (под этим подразумевался чай, сахар, мыло, табак, спички) должен был довольствоваться войска уполномоченный Упродтурка.

Бухарское Правительство, учитывая ресурсы страны, выговорило некоторое сокращение пайка для войск тылового района и поэтому паек разделялся на нормальный (для тыла) по обще-федеративной норме и полевой, о котором я уже говорил выше).

Текущее довольствие Красной Армии Бухарское Правительство осуществляло при помощи своего продовольственного аппарата.

Хлебопродукты поставлялись по продналогу; на покупку мяса и иных продуктов отпускались деньги.

Должен отметить, что Бухарское Правительство весьма добросовестно относилось к этому своему обязательству. Если в этом отношении и возникали некоторые трения и перебои, то я их склонен объяснить новизною дела для Бухарского продовольственного аппарата и некоторыми его организационными дефектами. Вдали от противника эти перебои возникали главным образом из за неравномерного поступления денежных средств в местные продовольственные органы из центрального, а финансовая политика последнего зависела от эмиссии денежных знаков Бухарским Правительством.

В передовых линиях, вблизи противника продовольственное снабжение войск, хотя никогда не доходило до кризиса, но бывало близко к нему в силу того обстоятельства, что Бухарские продовольственные органы в силу прежде всего своей организационной слабости и новизны дела не могли наладить равномерной эксплуатации прифронтной полосы, а стремились выкачать все подлежащее сдаче продовольствие из ближайших к расположению войск районов.

Но повторяю, что все это было несовершенствами технического характера, которые устранялись и совершенствовались в процессе самой работы и текущее довольствие войск являлось стороной, которая при

расположении войск на месте не вызывала со стороны командования особых хлопот и беспокойств. По опыту своих походов должен отметить, что в этом отношении в Бухаре мы находились в благоприятных сравнительно условиях.

Тактическая подготовка войск была своеобразна; они мало были знакомы с уставами, но продолжительная практика в малой войне дала им хорошую закалку и ряд практических навыков и приемов.

Я отлично помню, как в начале моего ознакомления с войсками на смотру 1-го кавалерийского полка, командующий этим полком затруднился мне показать полковое уставное ученье, но отдельные эскадроны, которым на поле я давал различные тактические задачи выполнили их весьма и весьма удовлетворительно с чисто боевым подходом к делу, чего так трудно удается достигнуть в учебной работе мирного времени.

Пехота представляла более пеструю картину в этом отношении, но все-таки вспоминаю некоторые батальоны, особенно 5-го стр. полка, где тактическую подготовку также должен признать вполне удовлетворительной.

О духе войск можно было бы и не говорить. За него говорит тот поход, который они совершили и те труды, которые они перенесли при этом. Я неоднократно впоследствии изумлялся и поражался тем героизмом и самоотвержением, которые были настолько всеобщими, что не поражали уже старых туркестанцев, смотревших на них как на дело совсем обычное, но которое на каждом шагу проявлялось войсками во время похода в Восточную Бухару.

С первого же моего знакомства с туркестанскими войсками я убедился, что они, несмотря на некоторые недочеты, являются хорошим боевым материалом и последующий ход событий вполне оправдал это мое мнение.

Устройство баз и складов было еще в области предположений; военно-инженерная подготовка, главным образом, конечно, исправление и усовершенствование коммуникационной линии, только еще начиналась.

На финансовой стороне я позволю себе остановиться несколько подробнее.

Нам пришлось действовать в стране с иной валютой, чем наша, и поэтому эта сторона дела имела большое значение. Финансовое положение не могло не внушать больших опасений; оно было плачевно. Начать с того, что задолженность войскам в жалованьи достигала солидной цифры. По сведениям начальника снабжения она выражалась в следующих суммах: январь—8.542.500 руб., февраль—4.875.000 руб., март—112.930.000 руб., апрель—71.466.660 руб.

По соглашению с Бухарским Правительством в Бухаре имели хождение наравне с бухарской валютой лишь русские денежные знаки образца 1919 и 1920 г.г., войска же получали жалованье денежными знаками образца 1922 года, о которых не было никакого соглашения. Понятно, как тяжело это обстоятельство отражалось в чужой стране на войсках. На почве такой прискорбной для нас недоговоренности происходила сильная спекуляция русскими деньгами. Например, если память мне не изменяет, в первые дни моего приезда в Бухару за миллион бухарской валюты надо было дать 5, а потом и 8 миллионов денежными знаками 1922 года.

В таковой же валюте были и денежные знаки, имевшиеся в распоряжении Р. В. С. группы, да кроме того, они были и в очень ограниченном количестве. Запас денежных знаков 1919—1920 г.г. был очень ограничен и на фронте и он уделял эти знаки в распоряжение группы очень малыми порциями, и после больших настояний.

Это сплошное финансовое недоразумение, конечно, только отрицательно влияло на ход подготовки. Р. В. С. группы сидел собственно говоря без всяких средств, получая их по каплям и в неопределенные сроки. Пришлось затратить много хлопот, труда, усилий, чтобы достигнуть, наконец, того, что казалось столь необходимым и естественным: получения денежных средств на нужды организации экспедиции и на уплату жалованья войскам в бухарской валюте.

Эта работа заняла около месяца времени; лишь к половине мая финансовый вопрос начал несколько регулироваться и лишь к началу июня наладился окончательно.

Я потому так подробно остановился на состоянии войск во всех отношениях и на состоянии средств, чтобы читателю вполне ясны стали те разнообразные и сложные задачи, которые предстояло разрешить для того, чтобы новая экспедиция в восточную Бухару не оказалась покушением с негодными средствами.

Как видит читатель задачи эти сводились к изысканию способов в кратчайший срок закончить организацию войск и снабдить их средствами, необходимыми для успешного совершения столь продолжительного и трудного похода.

Успех его находился в прямой зависимости от снабжения войск конским составом в достаточном количестве и от создания того наименьшего количества армейских транспортных средств, которые бы обеспечили войскам подвоз всего им необходимого и главным образом, огнеприпасов.

Прежде чем говорить о тех способах, которыми удалось прийти к разрешению в значительной мере всех указанных выше задач, я останавлиюсь на расположении войск, какое я застал при своем вступлении в командование, тех видоизменениях, которые я нашел необходимым немедленно в нем сделать и причинах моих действий.

Расположение их можно усмотреть из приложения № 4. На прилагаемой схеме бросается в глаза сравнительная слабость наших войск передовой линии, долженствовавших прикрыть наше сосредоточение и обеспечить его и необеспеченность их сообщения с тылом. Особенно это бросалось в глаза на Байсунском участке, прикрывавшем наше будущее главное операционное направление. Связь этого участка с тылом не была найдена; банды противника неоднократно забирались на нашу всенную дорогу, пытались нападать на этапы и портили связь. Второй, на мой взгляд, ненормальностью было расположение 3-го батальона 8-го стр. полка, растянутого кордоном по пограничным постам от Керков до Термеза на протяжении около 200 вер. При создавшейся в Бухаре обстановке к концу апреля месяца этот батальон был бессилен по своей растяжке против крупных банд, а мелкие могли прорываться свободно через кордон этого батальона, благодаря растянутости его. В виду того, что батальон располагался так, как часть войск пограничной охраны, по указаниям штаба фронта, я немедленно ходатайствовал о разрешении

стянуть этот батальон к Термезу и через несколько дней получил его; Байсунский же участок я решил обеспечить, подперев его с тылу одним батальоном 12-го стр. полка и 2-м кав. полком, которые направил к Ак-Кутальскому перевалу и расположил в с. Дербент.

Действительно, Энвер-паша, будучи в описываемый период времени гораздо сильнее 7-го стр. полка, занимавшего г. Байсун, мог свободно выделить часть своих сил для овладения Ак-Кутальским перевалом, который никем не охранялся и таким образом отрезать Байсун и от сообщения с тылом, и от сообщения с Ширабадом и Термезом.

Я до сих пор не понимаю, почему Энвер-паша не сделал этого, а предпочел время от времени атаковать Байсун в лоб, тем более, что пройти к Ак-Куталу он мог и минуя Байсун, воспользовавшись прямою дорогою через Кишлак-Рабат, лежащий в 12 верстах южнее Байсуна на Дербент.

Установив границы боевых участков, распределив по ним войска и поставив им задачи, и усилив наше передовое расположение, можно было приступить к подготовке операции в целом.

Вопрос о конском составе и о создании транспортов для армии заинтересовал меня прежде всего.

Правда, в отношении транспорта существовало также соглашение с Бухарским Правительством; оно обязывалось давать местные транспортные средства для перевозки войсковых тяжестей и грузов. Но на один этот источник рассчитывать было нельзя. Это дело носило случайный характер, не было организовано заранее и часто случалось так, что одни районы совершенно исчерпывались в то время, как другие вовсе не испытывали на себе тягостей гужевой повинности. Трудно было и рассчитывать на безотказность этого источника, имея в виду, что войска в значительном количестве, одни вслед за другими должны были проходить через одни и те же пункты, каковым, например, являлся г. Карши; через него прошли почти все войска, следовавшие на формирование правой и левой колонн, войска назначенные для оккупации коммуникационных линий, наконец, запасы для формирования промежуточных баз, госпиталя, части связи и проч. Получалось явление, что транспорт, забранный одними войсковыми частями не успевал возвратиться, как являлись новые войсковые части, также требовавшие подвод и вьючных животных. Между тем, Каршинский этапный комендант, не обременяя чрезмерно населения, в сутки мог располагать только 25 местными подводами. В других местах не было и этого и войска, не находя новых перевозочных средств в достаточном количестве, забирали с собою следовавший с ними местный транспорт и гнали его дальше до конечных пунктов своего следования.

Вопрос о довольствии жителей, следовавших при местных транспортах не был выяснен; местные ревкомы предлагали им запастись собственным продовольствием, что ложилось на них еще новым бременем.

Прежде всего надлежало прекратить анархию в использовании местных транспортных средств. Был отдан приказ, устанавливающий очередь пользования местными транспортными средствами, порядок требования их, роль и обязанность в этом отношении этапных комендантов и взаимоотношения их с войсковыми начальниками. Строжайше запрещалось войскам самостоятельно прибегать к сбору местных транспортных

средств, задерживать их при себе по окончании ими перевозки и угонять их с собою, при возможности смены их на следующем этапе. Было установлено, что погонщики и проводники транспортов при следовании их с войсками получают продовольствие для себя и для своих животных на равных с войсковыми частями основаниях.

Местный транспорт являлся при всем своем несовершенстве все-таки единственным средством, которое дало нам возможность передвинуть и войска, и огромное количество войсковых, артиллерийских и санитарных грузов в Восточную Бухару.

В сравнении с ним армейские транспорты играли роль только маленького подсобного средства, ибо развить их организацию полностью до потребных размеров нечего было и думать.

Однако, начало формированию армейских транспортов все-таки удалось положить. Основанием им послужили прежде всего 80 верблюдов, захваченных у противника во время нашей Нур-Атинской экспедиции; затем Р. В. С. группы, по моему предложению, решил часть своих сумм употребить на наем вольного арбяного транспорта в 100 арб, который подрядным способом был сформирован в Самарканде.

Этот транспорт прибыл в Бухару в отличном состоянии и оказал очень большие услуги войскам во время похода.

Приступлено было к формированию и специального артиллерийского выючного транспорта собственным попечением. Для этого предполагалось закупить подрядным способом до 900 лошадей по цене до 9 милл. рублей за голову с поставкой их за счет казны. до г. Карпи, где формировался транспорт. Но покупка и поставка лошадей происходила медленно и слабо; до конца операции не удалось закупить даже и четверти всего потребного количества и начальник артиллерийского снабжения распорядился транспортом в 130 повозок.

В дополнение к 66 армейскому транспорту, в котором все-таки удалось запрячь 40 повозок, фронтом было прислано еще 70 верблюдов.

Благодаря всем указанным мерам, лишь к концу июня месяца армейские транспортные средства удалось довести до такой нормы:

66 армейский транспорт—40—50 запряженных повозок, грузоподъемность	200 пуд.
Вольнонаемный арбяной транспорт—100 арб., грузоподъемность	200—300 „
Верблюжий выючный транспорт—140 голов, грузоподъемность	1400 „

Общая грузоподъемность транспортов, которыми располагала армия уже в момент полного развития военных действий, выражалась таким образом цифрой 3600—4600 пудов. Для того, чтобы судить о том, насколько эта цифра не отвечала действительным потребностям армии приведу следующие расчеты: для того, чтобы сосредоточить продовольственные грузы в основных и промежуточных базах и полевых складах требовалось перевести в общей сложности 165.000 пудов (цифры взяты с округлениями), на что потребно было, при условии исключения об'емистого фуража, 2.685 подвод или 5.300 выючных животных.

К этому надо добавить артиллерийские грузы в количестве до 50.000 пудов, на что требовался дополнительный транспорт, исчислявшийся в 70 повозок или 140 верблюдов.

Когда пришлось закладывать промежуточную базу в Юрчах, то перевозка из Каршей в сторону Дербента исчислялась в 20.000 пудов.

У читателя может возникнуть вопрос, каким образом со столь ничтожными транспортными средствами удалось все-таки организовать и довести до конца столь продолжительную и длинную экспедицию в Средней Азии, когда известно то колоссальное количество транспортных средств для организации подобных экспедиций в прошлом. На это я отвечу, конечно, в общем условия нам в этом отношении благоприятствовали; во-первых, текущее довольствие войска получали от местных властей и не было надобности перевозить его; во-вторых, и продовольственные базы пополнялись также заботой Бухарского Правительства и нам не приходилось заботиться о транспорте для них. Таким образом, на работу армейских транспортов ложился главным образом подвоз и перевозка артиллерийских, инженерных грузов и госпитального имущества. Но и грузы этих категорий выражались очень солидной суммой тысяч пудов. Между тем все их, хотя и с известным запозданием во времени, все-таки удалось перебросить в назначенные места.

Только из сопоставления приводимых мною цифр можно оценить те колоссальные роль и значение, которые сыграл в этом походе для нас местный транспорт.

Отмечаю опять, что в этом отношении как центральные органы Бухарского правительства, так и власти на местах и во многих случаях само население широко шли на встречу нуждам и требованиям армии.

Как я уже упомянул, для того, чтобы сделать мою конницу действительно способною к походу, нужно было изыскать источники к снабжению ее конскими средствами. Довести конский состав ее до полного штата, конечно, было очень трудно. Но все-таки хотелось поднять на ноги 8 кав. бригаду и 10 кав. полк. На помощь фронта в этом отношении рассчитывать не приходилось, и наше положение было бы очень трудно, если бы на помощь опять-таки не пришло Бухарское Правительство. Оно обещало поставить для нужд армии 1.000 лошадей и выполнило это обещание. Правда, поставка этих лошадей растянулась на целых два месяца, но во всяком случае к началу решительных операций 8 кав. бригада могла уже принять участие в походе.

После посещения Бухары Главкомом, фронт дал 200 артиллерийских лошадей; хотя из них очень многие оказались негодными к службе, но все-таки удалось при помощи них окончательно запрячь полевую батарею 3 стр. бригады, 1½ горных батарей, 7 стр. бригаду и даже артиллерийский парк 3 стр. бригады.

Таким образом, можно считать, что нам удалось справиться в значительной мере с пополнением конского состава в артиллерии и кавалерии и положить начало организации армейских транспортов; на большее, конечно, рассчитывать и не приходилось.

Учитывая свойства театра (его обширность) и бедность войск и армий обозами, я при организации базы придерживался принципа возможно большего рассредоточения базисных складов по территории, дабы таким образом приблизить их к войскам. Конечно, в этом был известный риск, ибо в случае необходимости отступления, мы не справились бы с полной их эвакуацией, но из двух зол я избрал меньшее и предпо-

читал лучше рискнуть возможностью потери части продовольственных и огнестрельных припасов—чем оставить войска в нужное время без них.

Тот же принцип рассредоточения по территории был применен и в отношении артиллерийских запасов.

В продовольственном отношении предусматривалась следующая организация тыла:

Основные артиллерийские базы намечались в г.г. Кагане и Карши. Промежуточные армейские базы в г.г. Шахрисябзе и Гузаре. Передовые армейские базы в г.г. Байсуне и Ширабаде. Армейские полевые склады в г.г. Керки и Термезе.

К 1 июня надлежало сосредоточить на всех этих складах двухмесячный запас продовольствия на всю армию, исходя из расчета 30.000 едоков и 10.000 лошадей.

Запас этот в % отношении распределялся по базам следующим образом, в Каганской базе должно было содержаться 30% всего указанного запаса; в Каршинской 35%, в Шахрисябзской 10%, Гузарской 10%, Ширабадской и Термезской по 10% и в Керкинской 5%.

Кроме того, Бухарское Правительство обязывалось поставить 1.000 п. кишмишу для госпиталей.

Для облегчения работы Бухарского уполномоченного по снабжению Красной Армии я признал возможным установить два срока для пополнения этих баз; к 15 мая должны были быть пополнены основные и промежуточные армейские базы, а к 1 июня все остальные. Эта основная сеть армейских продовольственных учреждений должна была быть развита и усилена созданием местных этапных продовольственных складов. Таковые намечались в пунктах настоящего и будущего расположения этапов, на главной коммуникационной линии. Ведомость их с указанием, на какое количество людей и лошадей надлежало в них иметь продукты, приводится в приложении № 3.

Указанные склады должны были быть пополнены уже непосредственно распоряжением начальника снабжения группы путем выделения в них части запасов из армейских баз.

Следует признать, что с этой частью работы мы не справились и до конца операций нам этапных продовольственных складов образовать не удалось.

Этому было две причины: первая—армейские транспорты, коими должен был пользоваться начальник снабжения для этой цели, только и успевали перевозить армейские артиллерийские, инженерные и санитарные грузы и их никак нельзя было снять с этой работы—вторая,—крайне медленное и постепенное пополнение самих армейских баз, происходившее главным образом в силу причин, о которых я уже упоминал выше (новизна дела для бухарских продовольственных органов и техническая и организационная слабость последних и скудный первоначально приток денежных средств. Так, например, из 80 миллиардов рублей, требовавшихся в мае месяце для этой цели Бухарское Правительство смогло в начале отпустить лишь 50—60 миллиардов рублей).

Когда началось усиленное передвижение войск по главной коммуникационной линии, тогда сказалось, конечно, это отсутствие местных этапных складов.

Войскам приходилось брать с собой в Гузаре запас продовольствия чуть ли не до Дербента, а последний в периоды прохождения через него значительных войсковых частей испытывал иногда перебои в снабжении, особенно хлебом.

Как я уже сказал и пополнение самих армейских баз происходило крайне медленно; пришлось несколько раз удлинять сроки, которые были первоначально установлены для окончания этой работы и все-таки она, продолжаясь все лето, полностью не была проведена. Вот маленькая иллюстрация к этому: к 31 мая основными продуктами (пшеница, крупа, мясо в живом скоте, жиры) на 100% была обеспечена только одна Шах-рябзская база. Сравнительно удовлетворительно обстояло дело на Каганской базе и очень слабо на остальных. В приложении № 5 я даю ведомость обеспеченности главнейшими продуктами армейских магазинов в момент начала решительной операции против Энвера-паши. Таким образом главным источником снабжения войск в течение всей операции явились местные средства. Однако, как ни слаба оказалась организация армейских продовольственных баз, все-таки она сослужила свою службу; когда в конце лета эти местные средства начали иссякать, и Бухарское Правительство начало испытывать затруднения в текущем довольствии войск, были тронуты запасы армейских продовольственных баз, которые удалось там накопить в течение лета.

В отношении организации артиллерийских баз, как уже я заметил выше, был применен принцип тот же, что и в организации продовольственной базы. Артиллерийское снабжение армии во время предстоящих операций требовало очень внимательного и вдумчивого к себе отношения, стоит только для этого припомнить условия театра войны.

Поэтому я более подробно остановлюсь на организации артиллерийского снабжения, которая была принята мною и на устройстве тыла в артиллерийском отношении.

Первоначальная организация тыла в артиллерийском отношении сводилась к следующему:

Основная артиллерийская армейская база намечалась в г. Кагане; основная огнебаза в г. Карши. Промежуточные армейские огнебазы намечались в Гузаре, Дербенте и Ширабаде. В Каганской базе полагалось содержать 10-дневный запас патронов для войск тыла, а в Каршинской месячный запас на всю армию. В Гузарской и Дербентской базах предполагалось содержать 10-дневный запас огнеприпасов для левой колонны и 6-дневный запас для правой колонны.

К созданию баз должно было приступить по мере поступления огнеприпасов из баз Туркфронта, при чем в первую очередь должны были быть устроены огнебазы в Каршах и Гузаре.

Полное развитие план артиллерийского снабжения армии и устройства артиллерийского тыла получил в конце мая, когда наша передовая линия достаточно окрепла и явилась возможность располагать кое-какими собственными транспортными средствами. Этот план сводился к следующему:

Начальнику снабжения 3 стр. бригады приказано было сформировать артиллерийский склад в Ширабаде. К этому складу приписывались 3 стр. и 8 кав. бригада, а также мелкие части, расположенные в районе правой колонны.

Носимый и возимый запас патронов в войсках был определен в следующей норме: в полках пехоты по 180 патронов на стрелка и 10.000 патронов на пулемет; в полках кавалерии по 120 патронов на всадника и по 10.000 патронов на пулемет. В тех и других двухнедельный запас патронов из расчета 10 патронов на пехотную и 5 патронов на кавалерийскую винтовку в сутки. Излишки патронов, имевшиеся в полках— всего 166.000 патронов и должны были послужить началом основания Ширабадской базы.

Всего в Ширабадской артиллерийской базе предполагалось содержать шестидневный запас патронов по расчету 10 патронов на пехотную, 5 патронов на кавалерийскую винтовку в сутки и 1.000 патронов на пулемет.

Это должно было составить 919.476 патронов. Запас этот образовывался таким образом: излишек патронов в полках и снабжение 3 стр. бригады, достигавший в общем 336.980 патронов шел на образование базы и 582.896 патронов до окончательного пополнения базы должен был дослать начальник артиллерийского снабжения армии.

Я потому избрал промежуточную артиллерийскую базу для правой колонны в Ширабаде, и не в Термезе, что на первый взгляд может показаться более целесообразным, что не хотел ничем лишним загружать Термеза, как пункта, попадающего сразу же в район боевых действий в случае выступлений Афганистана. Впоследствии, когда я в Термез послал специальную инспекцию, оказалось, что в Термезе постепенно накопилось такое обилие огнеприпасов, что он из своих складов питал всю правую колонну в течение всей экспедиции, и таким образом Ширабадская огнебаза оказалась запасной.

Для левой колонны, исходя из того же принципа, устраивался артиллерийский склад в Дербенте. В нем положено было содержать десятидневный запас патронов для всей левой колонны на основании выше приведенных расчетов, что должно было составить 1.184.645 патронов. На образование его должен был пойти прежде всего излишек патронов, образовавшийся в полках колонны в количестве 92.000, а остальное количество должно было быть доставлено начальником артиллерийского снабжения армии.

Кроме того, учитывая кругооборот транспортов, на Дербентском складе должен был храниться еще 6-дневный запас для Ширабадского склада правой колонны в количестве 919.476 патронов.

Дербентский склад устраивался распоряжением начальника снабжения 1-ой кавалерийской бригады.

Войска прифронтовой полосы приписывались на снабжение к 7 стр. бригаде и в распоряжение начальника снабжения последней для этой цели передавалось 1.971.965 патронов из армейской артиллерийской базы в Каршах.

Порядок питания частей и бригадных складов огнеприпасами был установлен следующий:

Как только расход патронов в полку превышал ежедневный запас, этот расход тотчас же пополнялся из бригадного склада.

По израсходовании 20% общего запаса патронов бригадного склада, этот расход распоряжением соответствующего начальника снабжения бригады пополнялся до нормы из следующего за ним резервного склада,

а именно Ширабадский склад пополнялся из шестидневного запаса Дербентского склада, а этот последний, по израсходовании 20% общего количества, хранившегося в нем запаса патронов, должен был пополняться до нормы из Каршанской армейской артиллерийской базы.

Запас винтовочных патронов, отпускаемый группе, был настолько ограничен, что надлежало с особой тщательностью учитывать все патроны и установить строгие правила в их расходе. Хранение запаса патронов при полках в количестве свыше установленного, на мой взгляд, было нецелесообразно: полки везли их за собою пока не встречали недостатка в перевозочных средствах; лишь только в этом отношении они начинали испытывать недостаток, они сейчас же начинали устраивать собственные склады, о которых часто никто не знал и первым делом в эти склады помещали сверхштатные патроны.

Для артиллерийских частей был установлен следующий порядок питания их огнеприпасами:

На действующее орудие группы положено было иметь 1.000 выстрелов по общему расчету $\frac{2}{3}$ гранат и $\frac{1}{3}$ шрапнелей.

Для полевой батареи возимый запас исчислялся в 124 выстрелов на орудие—496 на батарею. Для горных батарей возимый запас исчислялся в 100 выстрелов на орудие—400 выстрелов на батарею.

В Ширабадском артиллерийском складе положено было содержать запас в 400 выстрелов для полевой батареи правой колонны и 800 выстрелов для ее горных батарей.

В Дербентском складе положено было иметь 800 выстрелов для конно-горной батареи левой колонны, 400 выстрелов для полевой батареи правой колонны и 800 выстрелов для горных батарей правой колонны.

В армейской артиллерийской базе в Кармах надлежало хранить 2.704 выстрела для полевой батареи и 4.800 выстрелов для горной артиллерии.

Крепостная артиллерия Термеза и Ксрков должна была обходиться своими запасами.

Предполагалось пополнение баз в значительной мере закончить к 5 июня, но опять-таки недостаток транспорта сильно дал себя чувствовать и в этом отношении и доведение до нормы боеприпасов во всех указанных базах, кроме армейских, в сущности продолжалось в течение всей операции.

Во всяком случае, к началу решительных операций (15 июня) все эти базы были заложены, но степень пополнения их была еще очень слабая. Так, например, я рассчитывал к 5 июня иметь на Дербентской базе уже 500.000 винтовочных патронов и 300 снарядов; на самом же деле лишь к 15 июня на ней удалось сосредоточить всего 334.000 ружейных патронов и 128 снарядов. С этим запасом и пришлось начать операцию. Лишь к 1-му июля базы достаточно пополнились и хранили по два комплекта снарядов на горную артиллерию, 5.000 снарядов полевых и по полтора комплекта патронов на винтовку (исходя из расчета 180 патронов носимого запаса на стрелка).

В виду выяснившегося малого расхода огнеприпасов (например, за месяц с 26 апреля по 26 мая израсходовано было всего 200.000 винтовочных патронов), я считал эту обеспеченность баз вполне достаточной

и вопрос артиллерийского устройства тыла разрешенным в данных условиях вполне удовлетворительно.

Когда я вступил в командование войсками группы, оборудование главной коммуникационной линии, содержать этапы на которой должен был 78 этапный батальон, было сделано лишь вчерне. Имелись этапы в Каршах, Гузаре, Ак-рабате и Байсуне.

Военная дорога обеспечена была слабо и подвергалась частым нападениям банд противника, особенно на участке Дербент, Ак-Рабат и на участке Гум-валяк-Тенги Хорам, причем банды часто портили нашу телеграфную связь и по несколько дней нельзя было установить связи с Байсуном, который в начальный период развертывания равно привлекал внимание и нашего противника.

Маленькие этапные гарнизоны не могли вести активной борьбы с бандами, а лишь оборонялись за стенами полуразрушенных станций блокаузов, в которых они были расположены.

Расстояния между этапами были велики, что тяжело сказывалось на одиночно следующих людях и небольших командах. В Кагане, штаб-квартире армии, начальный этап совсем отсутствовал; не было сборного этапа и в Чарджуе, где водный путь на Хиву скрещивается с железной дорогой. Особенно тяжело было положение одиночно следующих людей и мелких команд, следовавших в Хиву; им приходилось дней по 10 проживаться в Чарджуе, пока, наконец, генеральный наш консул, хотя это и вовсе не входило в круг его обязанностей, не ухитрился отправить их с оказией в Хиву. В хозяйственном отношении все этапы были оборудованы слабо.

Предстояло прежде всего надлежащим образом организовать коммуникационные линии, а затем подумать о их обеспечении. Командиру 78 этапного батальона, несмотря на возражения начальника военных сообщений фронта, желавшего сберечь резерв этапов для устройства этапной линии Дербент, Ширбат, Термез, приказано было открыть начальный этап в Кагане и сборный этап в Чарджуе. В с. Янги-Кент на полпути между Карши и Гузаром (расстояние 48 в.), приказано было выдвинуть под этап из Карши и от Гузарского этапа выдвинуть под этап в Тенги Хорам.

Для обеспечения железнодорожной линии я признал возможным сохранить тот же порядок, что уже и существовал, т. е. охрана железнодорожных мостов в Чарджуе и Кагане возлагалась на специальные гарнизоны в тет-де-понах, силою в одну роту каждый, а одна рота повзводно занимала железнодорожные станции Кызыл Тепс, Карминэ, Знаэдин. Кроме того железная дорога обеспечивалась курсированием по ней бронепоездов.

Коммуникационная линия на участке Карши, Гузар, Дербент, Ширбат, Термез должна была быть обеспечена расположением на ней, независимо этапов, отдельными гарнизонами. Назначение их состояло в прочном обеспечении занятых ими пунктов, в поддержании связи между гарнизонами путем высылки сильных партий, в освещении местности и борьбе с бандитскими шайками в 12-верстном радиусе от своего расположения. Эта задача для полного своего осуществления требовала, конечно, придачи к этим гарнизонам некоторого количества конницы, но сделать этого я к сожалению никак не мог, ибо кавалерийские части,

входившие в состав группы, были не настолько многочисленны, чтобы можно было отвлечь хотя бы часть их для выполнения второстепенных задач.

Наконец, на эти гарнизоны возлагалась еще задача по конвоированию транспортов в пределах своих гарнизонных участков. В отношении передвижения и охраны транспортов мною было установлено, что начальники боевых участков являются прежде всего ответственными за организацию правильной конвойной службы при транспортах, особенно артиллерийских, и за смену конвоев этих транспортов.

Занять гарнизонами участок военной дороги от Гузара до Ширбада первоначально должен был один стрелковый полк. Впоследствии явилась возможность уменьшить охрану военной дороги до 5 рот, которые занимали участок от Гузара до Ширбада, располагаясь по-ротно на всех этапных пунктах, а участок военной дороги от Ширбада до Термеза (80 в.) обеспечивался распоряжением начальника правой колонны.

В половине мая гарнизонами был занят участок военной дороги до Ширбада и с этого времени прекратилось хозяйничанье банд в нашем тылу.

При продвижении обеих колонн в Восточную Бухару, коммуникационная линия вслед за ними устраивалась по такому же принципу. В виду того, что 78 этапный батальон не мог, конечно, полностью обслуживать все удлиняющиеся коммуникационные линии обеих колонн, пришлось ограничиться выделением из него лишь ячеек административно-хозяйственного аппарата, которые открывали питательные пункты при ротах занимавших гарнизоны на новых военных дорогах колонн. Таким образом, обеспечивалась органическая связь обеих колонн с тылом во все время их продвижения вперед.

Не надо много распространяться о том, какое колоссальное облегчение внесло бы в вопрос организации тыла восстановление железнодорожной линии Карши, Керки, Термез. Полотно этой линии существовало, надлежало лишь настлать шпалы и рельсы. Даже окончание линии до Керки давало нам большие стратегические удобства в случае войны с Афганистаном.

Вопрос об исправлении железнодорожной линии на Керки Термез был поставлен перед Бухарским Правительством еще до моего прибытия. Оно обязалось восстановить ее на свой счет, при чем мы должны были дать техническую силу. Остановка была за шпалами, и надо было приготовить в количестве до 40.000 штук, при чем первая партия в количестве 20.000 штук могла быть сразу закуплена в Астрахани.

Однако Бухарское Правительство не могло сразу изыскать нужных средств и вопрос с покупкой этих шпал за все время пребывания моего в Бухаре стоял на мертвой точке, несмотря на энергичные хлопоты и представления Бухарскому Правительству и РВС группы и нашего полномочного представительства. Полагаю, что Бухарское Правительство не могло достаточно широко пойти нам навстречу в этом вопросе, как оно делало в других исключительно в силу финансовых затруднений.

Во всяком случае трудами 8-го железнодорожного полка удалось отремонтировать железнодорожный путь в направлении на Керки до станции Телимарджан и настлать еще 13 верст полотна до станции Кызыл Кудук почти на половине пути между Каршами и Керки, что тоже

в значительной степени облегчило наши оперативные переброски между Керки и Каршами.

Затронув здесь вопрос о коммуникационных линиях, я, чтобы исчерпать его окончательно, остановлюсь на нашей вспомогательной водной коммуникационной линии (р. Аму-Дарья) и ее средствах.

Перед самым моим приездом в распоряжение группы поступила часть судов Аму-Дарьинской флотилии, эксплуатируемой с коммерческими целями паритетной комиссией в составе представителей Хивы, России и Бухары. Сама флотилия, согласно заключенных договоров являлась собственностью Бухарской и Хорезмийской республик.

Группа могла располагать пароходами „Ташкент“, „Черняев“, „Ленин“ и катером „Чирок“. Кроме того имелись две баржи „Москва“ и „Дон“ грузоподъемностью по 10.000 пудов каждая; грузоподъемность пароходов была ничтожна.

Пароход „Ленин“ пришлось оставить в распоряжении Средне-Азиатской железной дороги, ибо он выполнял задания по подвозу материала для укрепления берегов р. Аму-Дарья у Чарджуйского моста, иначе р. Аму-Дарья каждое лето угрожала прорыть новое русло и оставить мост на сухом пути.

Пароход „Черняев“ в момент моего прибытия уже нес крейсерство на плесе реки Аму-Дарья Келиф Айвадж и оказался там очень полезным при развитии активной операции правой колонной.

Для транспортирования грузов оказался таким образом свободным лишь один вооруженный пароход „Ташкент“ с баржей „Москва“. Продолжительность рейса вверх по реке от Чарджуя до Термеза равнялась трем неделям и на обратный рейс требовалось десять дней.

За время моего командования „Ташкент“ совершил один полный рейс с интендантским и госпитальным грузом и тыловыми учреждениями 3 стр. бригады в Термез. На втором рейсе он застрял в Керках из-за отсутствия у него в достаточном количестве нефти и за время моего командования группой полностью второго рейса не успел совершить. Вообще состояние материальной части судов и обеспеченность их нефтью были слабы. Хотя фронт и отпустил на Аму-Дарьинскую флотилию несколько миллиардов рублей, но сумма эта была слишком мала, чтобы достигнуть особо существенных результатов.

Чтобы использовать вполне Аму-Дарью, как удобную вспомогательную коммуникационную линию, следовало прежде всего увеличить число пловучих единиц, бывших в нашем распоряжении. К этому были приложены все усилия, удалось найти еще несколько миллиардов и в конце июня удалось спустить со стапелей еще один пароход „Чарджуй“. Этот последний, если не ошибаюсь, на пробе навалился на бык железнодорожного моста и опять надолго вышел из строя.

В силу указанных причин нам пришлось использовать р. Аму-Дарью, как коммуникационную линию в очень ограниченных размерах; присланные с р. Сыр-Дарья моторные катера, о присылке которых я возбудил вопрос, оказались также не пригодными для плавания по Аму-Дарье.

Борьбу с малярией можно было предвидеть и следовало к ней по мере сил и возможности подготовиться. О составе санитарных учреждений группы я уже говорил в предшествующей главе.

Скажу несколько слов о их состоянии. Главное, что бросалось в глаза—это неподготовленность их к тем задачам, которые им предстояли. Так, например, в медикаментах, особенно хине, испытывался недостаток. Чтобы произвести предварительную хинизацию войск требовалось 25 пудов хины, налицо же было всего 1½ пуда. Госпиталя, назначенные в передовую линию, где им, следовательно, предстояло иметь дело и с ранеными, ощущали острую нужду в хирургических инструментах.

Бригадный лазарет 3 стр. бригады не располагал ни одним хирургом. Об устранении всех этих недочетов был возбужден ряд ходатайств. Из доклада временного начальника санитарной части, основанного на опыте прошлогодней экспедиции, следовало рассчитывать, что наибольшего своего развития, нарастая постепенно, достигнет в августе—сентябре месяце. Заболеваемость малярией в течение всего летнего сезона по этим расчетам не должна была превысить 50% всего количества войск, при чем указанный % должен был образоваться постепенно, увеличиваясь от месяца к месяцу. Действительность не оправдала этих ожиданий. Заболеваемость минувшим летом у нас дошла до 100%. Но, во всяком случае даже и предполагаемая заболеваемость в 50% заставляла изыскать способы эвакуации больных и раненых по грунтовым путям. Специального санитарного транспорта для этой цели не было; эвакуация на обратных подводах транспортов была применима для легко больных и раненых; для тяжело-больных и раненых хотелось найти нечто лучшее. Я задался целью создать хоть маленькое подобие санитарного транспорта для тяжело больных; для этой цели из 7 стр. бригады, прибывшей все равно без запряженного обоза, при чем на скорое ее снабжение конским составом рассчитывать не приходилось, была изъята часть санитарных двуколок и распределена по этапам; конский состав для запряжки этих двуколок должны были поставить воинские части, наиболее им богатые.

Наиболее тяжело больные и раненые должны были перевозиться от этапа к этапу на этих двуколках.

Конечно, больших размеров формируемый таким образом санитарный транспорт достигнуть не мог. К середине июня удалось распределить по этапам для этой цели 36 санитарных двуколок и 34 лошади; впоследствии в виду удобства управления этот небольшой транспорт был целиком передан в распоряжение начальника санитарной части армии.

Попутно с развитием подготовки операции шло и прибытие назначенных в состав группы войск и сосредоточение их на театре военных действий.

При развертывании армии старался, несмотря на обширность территории, располагать войска целыми организационными соединениями, каждое в своем районе.

Подходившие по железной дороге эшелоны последовательно выжимали вперед войска, занимавшие те или иные пункты в районы сосредоточения правой и левой колонн и, таким образом, развертывание армии происходило без излишних передвижений для войск и с наименьшей затратой времени. Но все-таки оно шло не так быстро, как хотелось бы и причина этому была та, что нельзя было избежать прогульных дней,

когда войскам приходилось ожидать местных перевозочных средств для под'ема своих тяжестей.

Главным образом в силу этих причин подготовка операции и развертывание армии, начавшись 23 апреля, закончились лишь, да и то не вполне, к половине июня месяца.

Этот период времени являлся для противника наиболее благоприятным, чтобы попытаться взять инициативу в свои руки. К этому он и сделал несколько попыток.

Прежде всего активную попытку в довольно широком размере задумали против укрепления Керки туркмены левого берега р. Аму-Дарьи. Движение их также поддерживалось из Афганистана. В половине мая они подступили к укреплению в количестве до 2000 человек и довольно тесно обложили его, пытаясь несколько раз овладеть и самим городом. Только что прибывший из России батальон 19 стр. полка, поставленный гарнизоном в укреплении, отстоял его, но для окончательной ликвидации попытки туркмен пришлось ввести временно на это направление еще один батальон того же полка.

27 мая оба батальона атаковали расположившихся под укреплением туркмен, сбили их и, нанеся им тяжелые потери, принудили их рассеяться в песках, захватив трофеи, в том числе до 40.000 одних патронов.

После урока под Керками в мае месяце туркмены в течение всего лета держались совершенно спокойно на этом направлении.

Конец, вернее вторая половина, мая месяца ознаменовались и оживлением деятельности шаек муллы Абдул-Кагара, которые начали вновь появляться чуть ли не в окрестностях столицы.

Разведка доносила о большой организационной работе, которою занимался мулла Абдул-Кагар в районе своей базы г. Пур-Ата. Я считал необходимым хороший предварительный удар по Абдул-Кагару до начала решительных операций против Энвера, дабы иметь возможность вести эти операции, не отвлекаясь событиями в тылу, на которые очень чутко и нервно реагировали местные власти, хотя и был уверен, что ничего особенного серьезного ни г. Бухаре, ни нашим тыловым учреждениям Абдул-Кагар причинить не может.

Для этой цели пришлось назначить 8-ю кавал. бригаду, хотя в силу этого обстоятельства она и должна была несколько запоздать в свой район сосредоточения против первоначальных расчетов. К этому представилась возможность после прибытия новых частей из России, которые сменили части 8 кав. бригады в окрестностях г. Бухары.

Удар решено было направить на базу Абдул-Кагара — г. Нур-Ату в расчете, что это вынудит Абдул-Кагара стянуться к своей базе для защиты ее. Действительно, как только обозначилось движение 8 кавал. бригады к г. Нур-Ата и отряды Абдул-Кагара потянулись туда же. Но от решительного боя за этот город Абдул-Кагар уклонился и успел уйти в пески, где временно и рассеялся и на некоторое время притих. Базы Абдул-Кагара, его мастерские, склады продовольствия и груженный транспорт—около 100 верблюдов достались в наши руки.

За это же время некоторую активность проявили Энвер-паша. Около 15 мая обнаружилось стремление части его сил, занявших с. Сайроб между Дербентом и Ширабадом, распространиться и в сторону Дербента;

силы противника на этом направлении определены были в 700 всадников. Эта попытка была ликвидирована частями 5 стр. полка, подходившими как раз в это время для занятия участка военной дороги Дербент—Ширабад.

Не было ли это попыткой со стороны Энвера занять Ак-Кутальский перевал, минуя Байсун, что дало бы ему те стратегические выгоды, о которых я говорил выше.

Такою же неудачей окончилась попытка Энвера 19 мая атаковать Байсун, где только что закончилась смена 7 стр. полка, 12 стр. полком, при чем в дело им было введено до 1000 человек.

Как впоследствии передавала наша разведка, эту попытку Энвер-паша предпринял для того, чтобы определить боеспособность вновь занявшей г. Байсун части. Эту свою боеспособность 12 стр. полк и доказал Энверу-паше, причинив его отрядам во время этой усиленной рекогносцировки весьма чувствительные потери.

Все эти наступательные попытки противника были ликвидированы без нарушения общего плана сосредоточения и развертывания армии и вызвали лишь некоторое запоздание в присоединении 8 кав. бригады к своей колонне.

Г Л А В А V.

Операция против главных сил Энвера-паши, закончившаяся выходом наших войск на фронт Айвадис, Кабадиан, р. Туполанг-Дарья.

3 июня я получил следующую директиву командующего фронтом: „Согласно приказа Главкома приказываю к ликвидации Энвера приступить в срок между 10 и 15 июня. Определение окончательного дня наступления предоставляю вам тчк нр 11/ п ш“.

Далее следовали подписи.

В тот же день в мое распоряжение были переданы части, только что прибывшие из России и числившиеся в резерве Главкома и командующего фронтом (учебно-кадровые и образцовые части и 28 стр. бригада).

В силу того состояния транспорта, которому я посвятил столько места в предшествующей главе, я сомневался, достаточно ли удастся оборудовать к этому времени артиллерийский склад в Дербенте. Действительно, несмотря на все принятые меры к ускорению сбора перевозочных средств, лишь 13 июня к Дербенту подошел первый эшелон транспорта с огнеприпасами. Лишь 19 июня количество огнеприпасов в Дербентском складе достигло трехсот с лишним тысяч ружейных патронов и 128 химических снарядов.

Запасы в магазины продовольственных баз только лишь начали поступать; наличие главнейших продуктов из них можно усмотреть из приложения № 4.

Первая половина июня прошла без особого проявления активности со стороны противника. В Западной Бухаре было, после занятия нами г. Нур-Ата, сравнительно спокойно и Абдул Кагар бездействовал, очевидно, приводя себя в порядок.

Энвер-паша после своего последнего наступления на Байсун 19 мая по-прежнему с главными силами своими стоял против него, но держался пассивно.

Однако, разведка определенно указывала на большую организационную работу, проводимую им, на ожидаемое прибытие к нему сильных подкреплений из Афганистана и на прибывшую уже яко-бы к нему оттуда артиллерию.

Из штаба правой колонны доносили о занятии Кабадиана сильным отрядом афганцев всех родов оружия, численностью до 4000 человек. Этот слух поддерживался очень упорно и шел из двух источников. За

несколько дней до начала нашего общего наступления стали поступать новые донесения, что Энвер не примет боя с нами, а уйдет через Сангардакский перевал в Шахрисябзский район, а оттуда в Самаркандскую область. Больше или меньше вероятие всех этих данных надлежало иметь в виду главным образом при разрешении вопроса о нашем решительном наступлении на Энвера.

В расположении наших войск за это время произошли следующие изменения: прибывшие из России учебно-кадровые и образцовые части сменили в Западной Бухаре части 7 стр. бригады, которые начали передвигаться далее на восток; на Каршинском боевом участке 38 стр. бригада сменяла части 7-й стр. бригады в Каршах, Керках и Гузаре. 7 стр. бригада одним полком сменяла 5 стр. полк на участке военной дороги Гузар, Дербент, Ширабад. Остальными своими полками она сменяла 8 стр. полк на правом берегу р. Сурхана и в укреплении Термез и таким образом освобождала всю 3 стр. бригаду для активных действий.

Ко 2-му июня 19 стр. полк полностью сменил два батальона 5 стр. полка на указанном выше участке военной дороги и последний целиком сосредоточился в к. Дербент.

Со сменой 8 стр. полка дело затягивалось, ибо обозы хозяйственные и боевые 20 и 21 стр. полков передвигались исключительно помощью местного транспорта и полки эти теряли много времени на ожидание сбора подвод и вьючных животных. Лишь в первых числах июля полки эти достигли района Ширабад, Коканты, Термез.

8 кав. бригада двигалась на присоединение к правой колонне; но ее приходилось вести небольшими переходами, дабы побережь конский состав, много поработавший во время Нур-Атинской экспедиции; я рассчитывал, что она достигнет Термеза между 15 и 18 июня.

Своевременность сосредоточения частей левой колонны не вызвала опасений; пехота вся уже была в сборе к 2 июня, а 1-я кав. бригада, стоявшая в окрестностях Гузара в силу лучших фуражных условий в этом районе могла быть в два—три перехода подтянута к г. Байсуну.

Я не предполагал дожидаться смены 8 стр. полка частями 7 стр. бригады, но считал, что следовало все-таки выждать присоединения 8 кав. бригады к своей колонне и тогда начать наступление сначала правой колонной, дабы она успела выдвинуться на уступ и вперед перед левой колонной. Таким образом, развитие наступления колонн мыслилось мною между 20 и 25 июня.

Наступление в виду полученной мною директивы, теперь приходилось повести одновременно двумя колоннами общим фронтом, при чем 8 кав. бригада нагоняла свою колонну уже на марше.

Если бы Кабадиан оказался действительно занятым теми силами противника, о которых доносила разведка, то, конечно, силы ее оказались бы слабыми для борьбы с ним.

Из всех данных разведки только одного нельзя было проверить боем, именно насколько отвечало действительности указание о намерениях Энвера уйти со своими главными силами через Сангардакский перевал в Шахрисябзский район и далее в Самаркандскую область. В таком случае наш удар под Байсуном, заблаговременно подготавливаемый, разразился бы впустую. Против этого следовало принять меры. Я решил усилить Шахрисябзский боевой участок, занимаемый двумя батальо-

нами 4 стр. полка, еще одним батальоном из состава 28 стр. бригады, дабы дать возможность начальнику этого участка образовать себе маневренный резерв, которым на первое время можно было бы воспрепятствовать Энверу-паше в осуществлении его попытки. Кроме того, в распоряжение начальника Шахрисябзского боевого участка на время развития операции против Энвера я передал кавалерийские курсы, только что прибывшие в мое распоряжение из Самарканда через перевал Тахта Карача, в Шахрисябз.

Для создания наилучшего исходного положения и для проверки донесений разведки, которая указывала на кишлак Рабат (12 в. к югу от Байсуна), как на пункте, где можно ожидать сосредоточения афганских подкреплений, шедших к Энверу, решено было занять этот последний пункт.

Эта операция была выполнена в ночь с 8 на 9 июня 2-м батальоном 5 стр. полка от Дербента, которому содействовали 2 батальона 12 стр. полка от Байсуна.

Рабат удалось занять сравнительно легко, но в течение всего 9 июня и утра 10 июня Энвер, введя в дело значительную, повидимому, часть своих сил, несколько раз пытался отбить Рабат обратно, поведя при этом атаку на Байсун. Все эти атаки были отбиты с причинением крупных потерь противнику, но и у нас было 20 раненых и 2 убитых. Бои 9 и 10 июня показали мне, что слухи о наличии значительных, свежих афганских подкреплений у Энвера не верны и что неверны также сведения о наличии у него артиллерии, иначе он не преминул бы ее использовать, ведя упорные атаки на Рабат в течение целого дня. Вместе с тем в наших руках остался чрезвычайно выгодный исходный пункт для предстоящего наступления. 10 июня я приказал 1-ой кавалерийской бригаде двигаться к Байсуну с таким расчетом, чтобы к исходу 13 июня она была в Дербенте. Уже после боя 10 июня для меня стало ясно, что главная трудность предстоящей мне задачи заключалась не в том, чтобы дать бой Энверу, а в том, чтобы заставить его принять бой. Я решил тактическое развертывание произвести с наибольшими скрытностью и внезапностью и подольше скрыть от Энвера подход нашей конницы, ибо, имея дело с одной пехотой, он мог рассчитывать всегда прервать бой с нею, когда это ему заблагорассудится.

Я считал, что Энвер-паша в целях сохранения своего военного и политического престижа все-таки должен будет показать хоть видимость желания драться, но до решительного конца боя доводить не будет—это для него, конечно, было бы самым выгодным решением; но оказалось, что он действительно серьезно думал о бое с нами и лишь бегство его конницы в бою 15 июня увлекло, повидимому, и его за собою.

12 июня авангард левой колонны выдвинулся на кишлак Анкабад—верстах в 6 восточнее Байсуна и занял его. В этот же день я произвел личную рекогносцировку расположения передовых частей Энвера; я вынес впечатление, что противник, занимая восточную часть Байсунской котловины, считал себя повидимому обеспеченным, опершись тылом на скалистый кряж Дисатын Калас через который вели четыре прохода в долину р. Сухрана; один из этих проходов, именно ущелье Банды Ханы доступно и для колесного движения.

Фланги сторожевого охранения противника упирались в такие же скалистые края, составляющие северную и южную окраины Байсунской котловины.

Сторожевое охранение противника занимало гребни ближайших к Байсуну высот, главная масса противника, определяемая перебежчиками и разведкой в 1500-2000 человек располагалась в Кишлаке Кафрюн и его окрестностях.

В боях предшествующих дней у Энвера было обнаружено два пулемета. Всего в Байсунской котловине у Энвера можно считать было две-две с половиной тысячи человек. Расположение Энвера, очевидно, обеспечивали находившиеся также под его управлением отряд у Сангардака (человек 150) и отряд у Ходжа Милька, человек в 200.

13 июня я ожидал прибытия в Дербент головного эшелона 1-й кав. бригады и головного эшелона артиллерийского транспорта.

Атаку войск противника под командою Энвера решено было произвести в ночь с 14 на 15 июня. Я лично указал начальнику левой колонны, что главной его целью должно быть, стремление отжать противника от ущелья Банды Ханы и прочих проходов и уничтожить живые силы противника в Байсунской котловине, не допуская их уйти через проходы.

Конница должна была появиться на поле сражения внезапно и сразу же захватить ущелья Банды Ханы. Тыл атакующих войск должен был обеспечиваться батальоном 5 стр. полка в Байсуне и батальоном 19 стр. полка в Дербенте.

Всего следовательно для активных действий начальник левой колонны располагал 5 б-нами пехоты (12 стр. полк и 1 и 2 батальоны 5 стр. п-ка), 1-ой кав. бригадой и 1-ой конно-горной батареей, что составляло с округлением 1700 штыков, 1000 сабель и 4 конно-горных орудия.

Во исполнение моих указаний начальник левой колонны, начальник 1-ой Турк. кавалерийской бригады Мелькумов, решил конницей охватить противника от ущелья Банды Ханы и продвигать ее затем далее к северу в охват левого фланга и в тыл противнику, отрезая его от прочих ущелий, 2 б-на 5 стр. п-ка с конно-горным артиллерийским взводом должны были повести наступление прямо на Кафрюн, а 12 стр. полк с другим конно-артиллерийским взводом должен был в течение ночи, выдвинувшись на уступ вперед перед батальонами 12 стр. полка, двинуться через Кишлак Анкабад на урочище Сары-Камыш с целью отрезать противника от Ак-Канчигайского ущелья и в случае нужды оказать содействие нашим частям под Кафрюном. На всякий случай, чтобы иметь под рукой и свой резерв, я изменил маршрут 8 кав. бригаде, что в общем не удлиняло ее пути. Она должна была от Дербента следовать не на Ширабад, Термез, а на Байсун, Джар-Курган, где переправлялись через Сурхан части правой колонны и из Джар Кургана войти в связь с штабом правой колонны; в Байсуне она должна была быть к полудню 15 июня.

В течение 13 и 14 июня нашей разведке приказано было возможно меньше беспокоить противника, дабы совершенно усыпить его подозрения. С наступлением темноты 14 июня, вся 1-ая кав. бригада, успевшая сосредоточиться в Дербенте и отдохнуть в нем, выступила прямым путем на Рабат.

В 1 час, 15 июня, на Анкабад выступила колонна командира 12 стр. полка Михайлова, в составе 2-х батальонов этого полка и конно-артиллерийского взвода (один батальон этого полка еще 12 июня занял Анкабад).

В 3 часа ночи 9-ая рота 5 стр. полка, выступив из Байсуна, сбита сторожевую заставу противника на высоте южнее г. Байсуна и начала теснить во фланг все сторожевое охранение противника, расположенное южнее Байсуна.

В 3 ч. 30 м., когда уже начало совсем светать, с фланга Рабат-Туманкуртан перешли в наступление на Кафрюн первым 1-й батальон 5 стр. полка. Это наступление поддерживалось огнем конно-артиллерийского взвода, занявшего позицию в районе высот, примыкающих к южной окраине Байсуна.

Как только сторожевое охранение противника, теснимое с фланга 9 ротой 5 стр. полка, начало спешно подаваться назад, на гребнях пологого кряжа высот, прикрывавшего от нас Кафрюн, появились массы конницы Энвера паши; очевидно он желал восстановить положение на фронте своего сторожевого охранения.

Образцовое наступление 2-х батальонов 5 стр. полка видимо привело ее в смущение; спешиваясь и отходя от увала к увалу, эта конница старалась ружейным огнем остановить их наступление, не прибегая однако к конной атаке. Наши батальоны, не замедляя темпа своего наступления, при поддержке огня конно-артиллерийского взвода, который переменял позицию и снялся с передков почти в линии цепей, теснили эту конницу по направлению на Кафрюн.

Скоро под Кафрюном образовалось большое скопление этой конницы и вьючных обозов.

Около 7 час. утра наша пехота уже подходила к Кафрюну.

К этому же времени 2-й кавалерийский полк успел уже захватить ущелье Банды Ханы, а первый кавалерийский полк, развернувшись из дивизионных уступов слева атаковал скопища противника у северной окраины с. Кафрюн; конница противника не приняла и этой атаки; она бросилась на Танги, Мушское ущелье, оставив на поле боя около 200 трупов и до 20 человек пленных в наших руках.

Мы захватили в Кафрюне и его окрестностях ставку Энвера (палатки, домашние вещи, утварь и проч.), транспорт верблюдов в 19 голов, груженный английскими патронами (свыше 10000), а несколько дальше еще до 50 верблюдов с колониальными товарами.

После кавалерийской схватки у Кафрюна противник, нигде уже больше не оказывая сопротивления, спешно уходил через ущелье Танги Муш, преследуемый нашей конницей.

Колонна Михайлова подвигалась медленнее, чем это предполагалось, она сбивала партии противника с холмов и гребней, лежавших на фланге ее движения. Поэтому, когда голова этой колонны подходила к урочищу Сары-Камыш, хвост колонны конницы Энвера уже втягивался в ущелье Танги Муш.

Колонна Михайлова обстреляла его артиллерийским огнем, но все-таки он успел уйти; это произошло около 8 часов утра.

Если бы колонна 12 стр. полка двигалась быстрее, то результаты боя под Кафрюном были бы несомненно еще значительнее. Сражение

под Кафрюном стоило нам всего семи человек ранеными, из них один смертельно и несколько убитых лошадей; противник одними убитыми потерял около 200 человек и, кроме того, значительную часть своего вьючного обоза.

Я лично считал, что для нас не столь важны были даже тактические результаты Кафрюнского боя, как первого решительного столкновения с главными силами Энвера-паши, сколько его моральные последствия и впечатление, произведенное им в Бухаре, Туркестане и сопредельных странах.

Военная репутация Энвера-паши очень высоко расценивалась в странах Средней Азии, может быть выше того, что она стоила в действительности, а его политический вес, как это водится в Средней Азии, находился в прямой зависимости от этой военной репутации.

И то и другое сильно потускнело после боя под Кафрюном.

Некоторое время спустя после этого боя, уже на фронте правой колонны был перехвачен афганский раз'езд, пробиравшийся с письмами Энвера в Афганистан. Вот что писал Энвер-паша афганскому военному министру после боя под Кафрюном.

Я привожу письмо по тому не совсем литературному, но довольно верно передающему смысл письма переводу, который был у меня в руках:

„Мой дорогой Назир, писал Энвер-паша, вчера после сражения я ушел с своими войсками в Карлюк, потому что первая причина была три более самого большого (не указание-ли это на будто бы тройное превосходство наше) в силах, чего в самом деле не было и главной причиной было, что патроны были израсходованы у туземных войск.

Одиннадцати зарядных афганских осталось очень мало; также я слышал теперь (далее идет шифрованная фраза)... использую это положение, идя на Курган Тюбе и с Давлет манбием я хочу покончить с Ибрагимовской аферой.

Я полагаю, что русские не могут идти вперед, совершенно даже невозможно, чтобы они дошли до Дюшамбэ.

Я послал всех стойких людей и патроны в Джилигуль. Я здесь подожду немного; так, если Вы не можете дать благоприятного ответа на мою просьбу для пропуска (), тогда я пойду к Джиликулю и Курган Тюбе.

Пожалуйста пришлите мне новых русских () патронов.

Ваш Энвер“.

Из подсчета сил обеих сторон можно видеть, что никакого тройного превосходства в силах у нас не было. Если у Энвера действительно не хватало патронов, то почему-то тогда он все-таки рисковал сражением. Это была ошибка Энвера, за которую он и заплатил и некоторым извинением ему служат те мотивы, о которых я говорил выше и которые принуждали его к бою даже и в невыгодных для него условиях.

Вечером 15 июня для меня стала ясна картина всего происходящего, я считал, что бой под Кафрюном был моральным переломом всей кампании и надлежало возможно полнее использовать его моральные результаты. Поэтому я приказал начальнику правой колонны возможно скорее двигаться на Кабадиан.

При этом я рассчитывал, что если Кабадиан действительно занят столь значительным отрядом, как это доносила разведка, то правая колонна еще на пути к Кабадиану почувствует его присутствие, войдя в сферу его разведки, авангардов и прочее; и тогда будет еще время организовать операцию против Кабадиана; если же последний занят слабо, то взятие его явится хорошим дополнением к нашему успеху под Кафрюном.

Преследуя противника, конница левой колонны сбила его небольшие арьергарды у Мир-Шадэ и Карлюка, а 17 июня после небольшой перестрелки заняла г.г. Денау и Юрчи. Следовавшая за конницей пехота, быстро закрепляла захваченное пространство. Следуя по пятам противника, наша конница 18 июня вышла на рубеж р.р. Туполанг-Дарья, Сурхан, при чем противник, спешно переправляясь через р. Туполанг-Дарья потерял много потонувшими в этой реке.

Ибрагим бек, двинувшийся на помощь Энверу с двухтысячным отрядом своей конницы, застал отряды Энвера - паши в беспорядке переправлявшимися через р. Туполанг-Дарья. Он спешно повернул со своей конницей обратно и расположился с нею в районе Каратаг-Дюшамбэ.

На этом пока и закончились наступательные операции левой колонны.

Правая колонна приступила к выполнению своей задачи 15 июня. Первоначально ей пришлось действовать в составе 7 стр. полка и $1\frac{2}{3}$ батальона 9 стр. полка с пеше-горной батареей и двумя отдельными эскадронами.

Свое движение на Кабадиан она выполнила двумя колоннами, при чем движение колонны, следовавшей по берегу р. Аму-Дарьи обеспечивалось со стороны Афганистана пароходом „Черняев“ с десантом в одну роту пехоты. Эта рота была высажена в Айвадже и образовала заслон в сторону Афганистана.

Другая колонна пошла прямо на Кабадиан прямой дорогой от Джар Кургана на колодцы Итак Тивет. На рассвете 22 июня обе колонны соединились под Кабадианом и заняли этот пункт без боя.

Отряд Хасанова, занимавший город, покинул его накануне и отошел на урочище Джиникуль, а отряд Кабадианского бека, сформированный из местных жителей, разбежался при приближении наших войск.

Во время этого похода, главные затруднения, встреченные правой колонной заключались не в сопротивлении противника, а в борьбе с природой и стихиями в виде бурных горных рек; переправы через эти реки при помощи местных средств и недостаточных и несовершенных каждый раз уносили по несколько жертв из рядов наших героических бойцов. Наши успешные действия по занятию первого намеченного нами рубежа при продвижении в восточную Бухару произвели надлежащее впечатление и на Афганистан, Андохский хан получил, очевидно, соответствующие инструкции и с этих пор прекратил всякие попытки возбуждать и поддерживать стремления туркмен левого берега р. Аму-Дарьи нападать на укрепление Керки и в этом районе водворилось полное спокойствие.

ГЛАВА VI.

Подготовка к продвижению на новый рубеж. События в обеих колоннах, предшествовавшие началу этого продвижения. Новое продвижение наших войск вглубь восточной Бухары. Поставленные им задачи и их выполнение. Смерть Энвера-паши. Обстановка перед сдачей мною командования.

Мой приказ, данный начальнику левой колонны 10 июня, говорил, что дальнейшая задача, по выходе его на рубеж р. р. Туполанг-Дарья и Сурхан, будет дана ему дополнительно.

Это было сделано умышленно. Я желал дать время правой колонне все-таки выдвинуться на уступ вперед. Теперь это имело тем большее значение, что при новом продвижении на Восток обеих колонн фронт их наступления, благодаря начертанию Бухарских границ на севере и юге, несколько суживался и могли представиться случаи для более тесного тактического взаимодействия обеих колонн; правая колонна, идя на уступе вперед, могла более непосредственно угрожать теперь сообщениям флангу и даже тылу противника.

Были и другие причины, заставлявшие повременить с выдвиганием вперед левой колонны. Боевая ценность противника выяснилась вполне после боя под Кафрюном. Тактические результаты последующих действий не вызвали в себе сомнения. Я хотел закончить последний акт решительных операций против Энвера с возможным обеспечением сил и жизненных потребностей войск.

Прежде чем окончательно втянуться в наиболее глухие места восточной Бухары, я желал заложить новую промежуточную базу для левой колонны, место для которой было выбрано в г. Юрчи.

Необходимо было продвинуть к войскам, успевшим обноситься на походе, запасы обмундирования, довести до нормы запас огнеприпасов и позаботиться о санитарном обеспечении колонн, что являлось необходимым, имея в виду начавшееся уже сильное развитие малярии, от которой особенно сильно начали страдать войска, только недавно еще прибывшие из России. Я имел всегда перед своими глазами опыт Гиссаровской экспедиции, лишения которой оставили сильный след в воспоминаниях всех ее участников; устройство новой базы требовало, считаясь с нашими транспортными возможностями, известного промежутка времени.

Однако, учитывая всегда возможные перерывы связи и невозможность поэтому всегда своевременно инструктировать начальника левой колонны, я предоставил начальнику левой колонны, если обстановку он найдет своевременной и подходящей, расширить достигнутый успех частным наступлением в виде набега конницы на Гиссар, Дюшамб.

Энвер-паша не считал, повидимому, свою ставку окончательно битой и пытался еще организовать не только оборону, но и частные наступления; его отряды вновь появились на левом берегу р. Туполанг-Дарья и мы вынуждены были уже 21 июня прогнать наиболее назойливые из них из-под городка Сары-Асия на левом берегу р. Туполанга.

В конце июня Энвер-паша снова стал во враждебные отношения с Ибрагим-беком. На этот раз отношения, повидимому, испортились окончательно. Ибрагим-бек начал выступать более самостоятельно и та реальная сила в виде племени локайцев, на которую теперь единственно мог рассчитывать Энвер-паша, начала выходить из рук Энвера.

Вероятно эти обстоятельства и явились тою причиною, почему Энвер из'ял всех афганских волонтеров из туземных отрядов, куда они были вкраплены для усиления боеспособности и устойчивости последних и сформировал свой собственный, исключительно афганский отряд, численностью человек 800, предполагая этим отрядом перебраться на фронт правой колонны, ближе к дружественно к нему расположенному Давлет, находившемуся с своим отрядом в районе Бальджуана.

Подготовка к продвижению обеих колонн на следующий рубеж заключалась в следующем:

Части 19 стр. полка должны были сменить батальоны 5 и 12 стр. полков на правом берегу р. р. Туполанг-Дарья и Сурхан; батальоны 19 стр. полка в Дербенте и Байсуне сменялись батальонами 84 стр. полка, на место которого из Каршей в Гузар передвигался 82 стр. полк.

7 стр. бригада 20 и 21 стр. полками заканчивала ко второму июля смену частей 3 стр. бригады, еще остававшихся на правом берегу р. Сурхана.

Благодаря этому оба начальника колонн к началу нового продвижения вновь могли полностью располагать всею своей пехотой, не расходуя ее на охрану коммуникационных линий в своем тылу. Войска заступавшие на место частей правой и левой колонн до р. р. Туполанг-Дарья и Сурхан, образовывали новый боевой участок—Ширабадский под начальством начальника 7 стр. бригады. Правая колонна, чтобы выдвинуться на уступ по отношению левой, должна была безостановочно продолжать движение свое вперед и овладеть урочищем Джиликуль.

Устройство промежуточной базы для правой колонны не вызвало особых хлопот: имея хорошую водную коммуникационную линию до Айвадиса пароходом и в виде опорного пункта укрепление Термез с большим запасом огнеприпасов 1 миллион только одних трехлинейных патронов и много артиллерийских снарядов, она могла оборудовать себе передовую базу в г. Кабадиане собственными средствами, что и было ею выполнено.

На передовой базе в Юрчи я предполагал иметь небольшой артиллерийский склад, запасную радиостанцию, госпиталь; местные власти обещали собрать там небольшой запас продовольствия. Попутно следо-

вало закончить и наполнение артиллерийских складов в Дербенте и Ширабаде. Всего для всех этих дней следовало передвинуть 5.000 пудов артиллерийских грузов. В Юрчи предполагалось иметь в запасе 300.000 винтовочных патронов и 800 снарядов, что с укупоркой составляло вес в 1.000 пудов.

Кроме того, в сторону Дербента и Ширабада надлежало передвинуть еще до 3.500 пудов разных грузов и 200 телеграфных столбов.

Для выполнения этих перебросок пришлось, кроме усиленного сбора местных транспортных средств, снять все армейские транспорты с их участков и нагрузив их запасами для передовой базы в Юрчи, двинуть их туда под прикрытием 19 стр. полка. По моим расчетам база в Юрчах должна быть готова к 11 июля, но сбор местных средств опять затянулся, и транспорты прибыли в Юрчи только к 25 июля.

Военная дорога для правой колонны должна была пройти через Янги-арык, Аальдар-Айвадис, для левой колонны через Пули-Каклан, Мир-Шадэ, Юрчи.

Все эти пункты должны были быть заняты небольшими гарнизонами, силою в одну роту.

Теперь в двух словах коснемся тех боевых событий, которые предшествовали началу нового наступления левой колонны.

В предвидении своего дальнейшего продвижения начальник левой колонны устроил на левом берегу р. Сурхана у Кишлака Аргамчи в 10 в. восточнее г. Денау небольшое предместное укрепление, где был поставлен маленький гарнизон.

25 июля было замечено сосредоточение сил противника у этого пункта и тогда же там началась перестрелка. Для усиления гарнизона тет-де-пона был двинут батальон 5 стр. полка; это было как раз во-время, ибо 27 и 28 июня на этот батальон обрушился весь афганский отряд Энвера-паши под его личным предводительством. Поддержанный огнем артиллерии с правого берега р. Сурхана, этот батальон отбил все атаки Энвера-паши. Начальник левой колонны тем временем решил воспользоваться случаем вновь нанести сильный удар Энверу. К 29 июня к Аргамчинской переправе сосредоточился весь 5 стр. полк, и дивизион 2-го кав. полка, с конно-горной батареей.

Тогда Энвер перешел к обороне, но после полудня 29 июня наши части сбили упорно оборонявшегося противника и принудили его к поспешному отступлению, при чем одними убитыми он оставил на поле сражения 165 человек.

После боя у Аргамчи вся наша конница пошла преследовать противника в общем направлении на Гиссар.

1-го июля был отдан приказ о дальнейшем общем наступлении. Начальнику правой колонны указывалось к исходу 10 июля занять фронт Сарай-Камарская переправа, урочище Джиликуль, г. Курган-Тюбе, выбросив по возможности летучий отряд для занятия г. Куляба; далее ему указывалось не позднее исхода 12 июля, сменив 8 кав. бригаду в г. Курган-Тюбе, пехотою двинуть эту бригаду вдоль р. Яваг в район Файзабад Кафирниган для содействия левой колонне. Впоследствии в виду усиления противника перед фронтом правой колонны это распоряжение было отменено и было указано, держа 8 кав. бригаду сосредоточенно на левом фланге правой колонны, войти при помощи этой

бригады в связь с частями левой колонны у Пули-Ангинской переправы.левой колонне было приказано к исходу 17 июля занять главными своими силами район Каратаг, Гиссар, Дюшамбэ, выдвинув сильную разведку на город Кафирниган и Кишлан-Дагана (40 верст южнее Дюшамбэ).

Правая колонна не смогла переправиться на левый берег р. Вахш у урочища Джиликуль в силу отсутствия у этого пункта каких бы то ни было переправочных средств, уничтоженных противником, который продолжал удерживаться на левом берегу реки у Джиликуля. Правой колонне пришлось поэтому снизить части, предназначенные для переправы, к устью р. Вахша и переправлять их там под прикрытием артиллерийского огня с парохода „Черняев“. 29 июня передовые части 7 стр. полка заняли левый берег р. Вахш и двинулись по этому берегу на урочище Джиликуль.

Дальнейшее продвижение частей правой колонны задерживалось лишь переправами через реки.

К 9 июля части правой колонны, заняв урочище Джиликуль, утвердились и в г. Курган-Тюбе; в это же время, примерно, была занята и Сарай-Камарская переправа.

Дальнейшее продвижение правой колонны, начиная от Курган-Тюбе, встречает все большее сопротивление со стороны противника; войска доносят о появлении новых частей противника более устойчивых и лучше дерущихся. Разгадку этому явлению следует искать в том, что Энвер-паша со своим отрядом именно около 10 июля появился на фронте правой колонны.

После боя у Аргамчи он при собрании всех предводителей отрядов передал управление Ибрагим-беку и со своим отрядом направился через Пули-Сангинскую переправу в район Бальджуана, распустив слух, что он совсем уходит в Афганистан.

После ухода Энвер-паши Ибрагим-бек думал главным образом о защите своих пределов и о прикрытии эвакуации некоторых семейств боев (зажиточные кулаки) с их скотом в горы. Левая колонна легко продвигалась вперед и заняла 2 го июля Гуссар, а в ночь с 13 на 14 июля был занят г. Дюшамбэ.

17 июля я отдал свою последнюю общую директиву о занятии обеими колоннами фронта Чубек, Куляб, Бальджуан, Файзабад, Кафирниган.

После боя у Аргамчинской переправы боевые операции начинают уже носить характер борьбы с отдельными бандами, правда еще довольно многочисленными, цельность организации и единство управления начинают исчезать у противника.

Поэтому я лишь коротко упомяну о дальнейших событиях: 17 июля нашими войсками был занят г. Бальджуан; в течение 25—27 июля левая колонна с боем переправилась через р. Кафирниган-Дарья и заняла города Кафирниган и Файзабад; 4 августа на фронте правой колонны погиб Энвер-паша, окруженный со своим конвоем дивизионом 16 кавалерийского полка.

С его смертью все движение окончательно расплылось и начало принимать формы обычного и местного бандитизма.

Занятием последнего рубежа в сущности исчерпалась наша задача по восстановлению власти Бухарского Советского Правительства в пределах охваченных повстаньем. Оставалась работа по окончательному укреплению аппарата местной власти на местах и по ликвидации остатков повстанчества. Она началась и протекала уже без меня, ибо болезнь принудила меня в начале августа сдать командование и совсем покинуть пределы Бухары.

З а к л ю ч е н и е.

Заканчивая мой труд, мне остается подвести некоторые итоги.

Выполнение плана кампании заняло месяц с небольшим, но подготовка выполнения заняла около двух месяцев.

Спрашивается, не даром-ли было потрачено столько времени и не следовало-ли начать кампанию раньше с тем, что было под руками и заканчивать подготовку и разворачивание всех позже прибывающих войск уже в течение самой операции? Казалось бы, что обнаружившаяся слабость Энверовской военной организации могла служить достаточной предпосылкой к такому образу действий?

На это я возражу: во-первых, слабость Энверовской военной организации обнаружилась лишь после первого столкновения с ним, а до того времени по донесениям разведки можно было бы составить преувеличенное представление о его силах, а во-вторых почему Гиссарская экспедиция 1921 г. закончилась ничем, потому, что она была предпринята с недостаточными силами без достаточной подготовки.

Если бы речь шла просто о прогулке в Восточную Бухару, о длительном рейде, тогда можно было бы говорить о возможности начинать операцию, как только явилось хотя бы и маленькое превосходство в силах, но ведь задача заключалась в политическом и военном закреплении пройденных пространств, а можно ли было это сделать без подготовки.

Заканчивать подготовку в течение самой операции тоже было нельзя; как известно в маневренной войне тыл часто отстает от фронта и в данную кампанию для этого были как раз предпосылки в виде обширности театра и бедности транспорта армии.

Эта причина, может быть незаметная вначале, в первом порыве наступления все равно сказалась бы потом и тем сильнее, чем дальше мы продвинулись бы вперед.

Если бы нам пришлось потом остановиться, ожидая налаживания тыла или из-за неустойчивости осадить назад, кто бы сказал, что это мы сделали добровольно, а не под давлением противника.

Лишний день стоянки на месте дал много дней безостановочного движения вперед.

В течение месяца войска прошли от исходных пунктов наступления на 300 верст вперед. Суточная скорость движения, правда меньшая, чем при преследовании польской армии в 1920 г. к берегам Вислы

(там средняя суточная скорость движения была около 20 в.), но следует при этом иметь в виду свойства обоих театров.

Во время этого марша худо ли, нет, но войска имели постоянную связь с тылом и более или менее налаженную коммуникационную линию.

Не мне судить — о результатах и значении этого похода. Но вот мысль, которая приходит мне в голову, когда я переживаю минувшее.

Почему все-таки удалось нам осуществить, особенно в отношении транспортных средств? Ведь теория и практика походов в средней Азии учат нас о том колоссальном количестве транспортных средств, в которых нуждается армия, оперирующая на мало-культурном Азиатском театре.

Я себе об'ясняю это следующими причинами: благоприятной политической обстановкой, создавшейся для нас. Красная армия шла не как завоевательница, а как освободительница в дружественной стране — это облегчило нам чрезвычайно вопрос использования местных средств, а роль и значение именно местных средств в эту экспедицию вполне ясно из всего предшествующего изложения. Вторая, на мой взгляд не менее важная причина та, что вперед шла армия Революции. Солдаты революции, движимые ее моральным импульсом, нашли в себе силы преодолеть трудности и перенести лишения, которые буржуазные теоретики посчитали бы несовместимыми с человеческой природой, в коллективном героизме войск потонул и сделался незаметным героизм отдельных личностей.

Какой же вывод сделаем мы из всего этого. Выводов в интересах революции в Азии сделать можно очень много и один из них тот, что Красная армия может создать собственную теорию ¹⁾ походов в Азии, допускающую для нее несравненно большие достижения при условии благоприятной политической обстановки и соответствующей политической подготовки похода в массах.

В течение всего моего изложения я касался уже стратегии Энвера. На мой взгляд, он оказался плохим стратегом. Главная его ошибка, повторяю еще раз, заключалась в том, что он не уяснил себе свойств и качеств войск, которыми ему пришлось руководить и командуя партизанами хотел вести с ними регулярную войну, как будто он не избегал поражений, а искал их. В отношении правильности оценки обстановки и соответствующего ей образа действий я гораздо выше ставлю муллу Абдул-Кагара, который проявил все качества незаурядного партизанского начальника. От этих выводов общего порядка перехожу теперь к частным моим выводам.

Остановлюсь прежде всего на управлении войсками. В условиях обширности театра и невозможности рассчитывать на всегда безотказную связь с отрядами и колоннами приходится предоставлять большую оперативную свободу начальникам отдельных отрядов и колонн, даже самых незначительных. Поэтому мне в обширных размерах пришлось практиковать способ директив и наставлений, в которых намечался ряд задач, охватывающих целую отдельную операцию и исполнителю предоставлялась широкая свобода во времени и способе их выполнения. Я только тщательно знакомил его с моими взглядами и пожеланиями. Я пришел к убеждению, что в Средней Азии нельзя управлять войсками, ставя им

¹⁾ Вряд ли нужна особая теория походов в Азию при условии вполне определенной роли революционной России по отношению к борющемуся за свое освобождение востоку.
Редакция.

узкие и определенные точно во времени задачи. Само собою разумеется, что способ этот требует хорошего знакомства командующего со всеми его начальниками и с индивидуальными особенностями каждого из них.

В отношении организации войск мне кажется, что наилучшей была бы в пехоте организация отдельных стрелковых батальонов, ибо крайне редко целому полку приходится действовать сокоупно. Численность роты, учитывая большую убыль людей от болезней, должна быть большая, чем на Европейских театрах войны.

При продолжительном походе, когда придется рассчитывать на прием пополнений необходимо предусматривать организацию особых запасных частей. Войскам, совершающим поход крайне трудно отрывать от себя кадры инструкторов для обучения этих пополнений. Скажу еще два слова об организации обозов: наш форменный обоз сильно страдает при службе в горах, лучше всего были бы повозки местного типа—арбы. Кроме них, крайне необходим вьючный обоз — санитарный и для возки патронов. Вообще в идеале желательно, чтобы каждая рота имела в своем распоряжении несколько вьючных животных для подвоза патронов, воды и вьюка раненых.

Пулеметы должны быть только на вьюках.

В отношении организации конницы могу сказать, что существующая организация Туркестанских кавалерийских бригад по моему вполне удовлетворяет своему назначению.

В отношении артиллерии нахожу, что наилучшим типом орудия по моему является горная и конно-горная пушка образца 1909 г.

В Москве очень хвалили орудие 1913 г. Но главнейший его недостаток—это неразборная система, что крайне ограничивает возможность его применения.

Вообще скажу, что в борьбу с азиатским противником артиллерия должна найти самое широкое применение. Важно не только ее материальное действие, но и моральный эффект. Я всегда предпочту в условиях такого театра войны, каковым была Бухара, пару пушек—десятку пулеметов.

В скалистых горах и против селений с массивными глинобитными стенами работать приходится почти исключительно гранатой. Мною была установлена такая пропорция снарядов: $\frac{2}{3}$ гранат и $\frac{1}{3}$ шрапнелей. Когда в минувшую империалистическую войну мне пришлось сражаться в Персии и Курдистане в войсках, там действовавших была установлена пропорция $\frac{3}{4}$ гранат и $\frac{1}{4}$ шрапнелей.

Химические снаряды всегда полезны; к сожалению, бывшие у нас, повидимому, отличались слабым действием газов.

В отношении инженерных войск я не могу сделать никаких особенных замечаний или наблюдений.

В отношении связи у меня накопилось много наблюдений.

В минувшую кампанию в моем распоряжении были все способы связи: радио-телеграф, телеграф, гелиографы, летучая почта.

Остановлюсь на каждом из этих средств связи в отдельности.

Радио-телеграф в горах не является безотказным средством связи: частые грозные разряды иногда на несколько дней препятствуют им пользоваться. Это средство надлежит всегда дублировать как-либо иным средством связи. Гелиографы, о которых так много говорится, также являются далеко ненадежным средством. У меня была гелио-

графная рота, сформированная с большим вниманием и с большой добросовестностью относившаяся к своему делу, и тем не менее часто случалось, что средней величины гелиограмма шла из Юрчи в Байсун на расстоянии 100 верст—5 дней. Причина—даже малейшая облачность или мглистость атмосферы уже препятствуют работе гелиографа днем. Ночью работы их испытать не пришлось, ибо у них не было горючего.

Телеграф на столбах оказался верным и безотказным средством; единственное его неудобство—это медленность наводки и необходимость охраны.

Летучая почта (конная)—очень хороший, сравнительно скорый и безотказный способ связи. В горной войне он далеко не изжил своей роли.

Таким образом, по степени надежности и удобства различных средств связи на первое место я поставлю телеграф на столбах, затем конную летучую почту, а затем уже все остальные средства связи.

Теперь перехожу к авиации. Это вопрос очень сложный и обширный для того, чтобы ответить на него с исчерпывающей полнотой; мои выводы на это претендовать не могут.

По работе авиации в минувшую кампанию в Бухаре я пришел к заключению, что область применения авиации в горной войне очень ограничена. Причиной этому: аппараты должны держаться на большой высоте, следовательно разведки и наблюдения для них затруднительны. Например, аппараты системы „Либерти“, бывшие у меня, не могли держать высоты ниже 3.000 метров. Крайне затруднительно находить для них аэродромы для спуска, что тоже отражается на удобстве совместного их действия с войсками. И то и другое обстоятельство влияют на удобства держания ими связи с войсками.

Мне возразят на это, что в 1919 году англичане широко пользовались авиацией в войне с Афганистаном и чуть ли не бомбардировка Кабула аэропланами принудила афганцев просить мира. Условий применения авиации в Афганистане я не знаю. Думаю, что бомбардировать Кабул с его обширной застроенной площадью, фабриками, заводами, арсеналом, высшими правительственными учреждениями и дворцами Эмира можно было и с пяти тысячи метров с вероятностью попадания в какой-нибудь ценный для противника объект, но дело в том, что на том театре, где пришлось воевать мне, не было таких пунктов, представляющих абсолютную ценность для противника, и по ним не пришлось испытать работы авиации.

В тех условиях обстановки, в каких пришлось воевать мне, выводы, доставляемые авиацией, были под сомнением, а риск для нее был очень велик.

В стратегическом отношении я считаю, что операция в целом на горном театре войны должна быть обеспечена занятием стратегически важных пунктов в тылу оперирующих войск, дабы вполне обеспечить их оперативную гибкость и свободу маневрирования.

Для меня такими пунктами явились Карши, Керки, Дербент и как фланговый—Термез.

В тактическом отношении я, пожалуй, не скажу ничего особенно нового—наступление всегда берет верх над обороной; охватам и обходам принадлежит преимущественное значение. Ночные действия могут иметь широкое применение и избавить нас от лишних потерь, почему войска

надлежит усиленно практиковать в них так же, как и в ночных походных движениях. В случаях обороны и наступления эшелонирования в глубину боевых порядков представляет неоспоримые выгоды.

Организация агентурной разведки отличается тою особенностью, что у организатора ее должен быть особенно тонко развит критический анализ, имея в виду, что азиатские базары являются главным поставщиком тех сведений, а факты в освещении базарных слухов можно уподобить китайским теням на экране; в силу впечатлительности характера местного населения они всегда преувеличиваются в ту или иную сторону.

При продолжительном горном походе надлежит внимательно следить и командному и политическому составу за моральным состоянием войск. Продолжительное пребывание в горах порождает чувства оторванности от всего мира и тоскливое состояние духа, особенно у жителей долин.

Возможно частое общение, совместные беседы и доклады высшего командного и политического состава при посещении войск, насколько я мог заметить, являются одним из хороших способов противодействия этому настроению.

Остановлюсь теперь на снаряжении, обмундировании и снабжении войск. Как принцип, чем снаряжение легче, тем лучше. Поэтому желательно часть патронов в роте возить на вьючных животных.

Обмундирование в общем отвечало своему назначению: летние шлемы оказались очень хорошим головным убором, вполне пригодным при сильной жаре. Шаровары летние и суконные чрезвычайно быстро изнашивались в горах; считаю, что кожаные чембары оказались бы в бухарских условиях весьма полезными.

Войска обязательно должны иметь палаточный лагерь и подстилку в виде войлока для каждого солдата. Это уменьшает простудные заболевания, сбережет обмундирование, избавит от укусов ядовитых насекомых.

Предварительная хинизация войск крайне желательна. Вообще в условиях экспедиции в климате в роде бухарского, хина так же необходимо войскам, как патроны.

Вот и все мои выводы и наблюдения из опыта похода, который, к сожалению, не удалось довести мне до полного конца.

Москва. Октябрь 1922 г.

Приложения.

Приложение № 1.

Первоначально предположенный состав колонн.

Наименование колонн и частей войск.	Баталь- онов.	Эска- дронов.	Орудий.	Штыков.	Сабель.	Пуле- метов.	Примечание.
9 стр. п-ки ¹⁾	4 ² / ₃	—	—	2.000	—	—	¹⁾ 3-й б-ды 9-го стр. п-ка в Самарк. области; там же рота 1-го б-на и к-да конных раз- ведчиков. Из них два тяжелых.
Стр. арт. див.	—	—	8	—	—	—	
1-я кавк. бриг.	—	8	—	—	1.000	—	
1-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
3 погр. эскадр.	—	1	—	—	300	—	
Армейская ²⁾	—	—	4	—	—	—	
Креп. арт. 3 взв. сапер. кав. эск. стр. бриг. . .	—	1	—	—	100	—	
Всего	4 ² / ₃	10	16	2.000	1.230	77	
Левая колонна.							
2-й стр. полк	—	—	—	—	—	—	³⁾ В состав войск группы не прибы- ла.
Одна б-рея 2-го арт. д-на ³⁾	3	—	—	600	—	—	
1-я кавк. бриг.	—	—	4	—	—	—	
1-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
Взвод сапер	—	—	—	—	—	—	
Всего	3	8	8	800	1.000	—	

Состав своих колонн при начале их движения в Восточную Бухару.

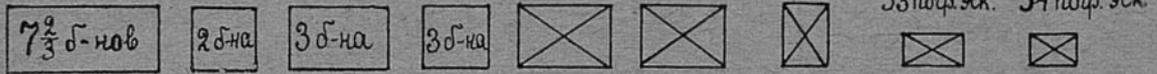
Наименование колонн и частей войск.	Баталь- онов.	Эска- дронов.	Орудий.	Штыков.	Сабель.	Пуле- метов.	Примечание.
Правая колонна.							
1-я стр. бриг.	7 ² / ₃	—	—	2.800	—	—	
Стр. арт. див.	—	—	8	—	—	—	
1-я кавк. бриг.	—	8	—	—	1.000	—	
1-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
3-й погр. эск.	—	1	—	—	130	—	
Жадр. X-й стр. бр. . . .	—	1	—	—	100	—	
Всего	7 ² / ₃	10	12	2.800	1.230	—	
Левая колонна.							
— 5-го стр. полка	3	—	—	1.000	—	—	
1-2-й стр. полк	3	—	—	700	—	—	
2-я бат. 7-го стр. ди- визиона	—	—	4	—	—	—	
1-я кавк. бригада	—	8	—	—	1.000	—	
2-я конно-горн. батарея	—	—	4	—	—	—	
Всего	6	8	8	1.700	1.000	68	

Общее примечание. Цифры взяты с округлением.

Приложение № 2.

Первоначальный состав войск группы.

3 стр. бр-да 4 стр. п. 5 стр. п. 12 стр. п. 1ая кав. бр. 8ая кав. бр. 10 к. п.

3 сал. р. эскадр

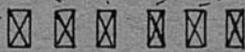

3^{ья} легк. арт. див.

Полуэскадроны:

связи саперн. коменд. связи саперн. коменд.

1ая к. горн. б-рея

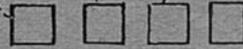

8ая к. горн. б-рея

Инженерные части

1ая гор. м. рота 2ая г. м. р. 301 сал. р. 2ая инж. рота

Бронечасты

Бронепоезда
№ № 3, 14, 122

Абс № № 7, 46, 53

2 автопульвзвода

Войска связи

Поезд связи

2ая техн. строит.

3^{ья} эксплуат

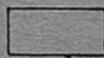

6 радио-станций

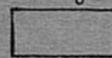

Специальные части.

78 этапн б-н

8 жезд п-н

Транспортные части

Автогрузотрады
№ № 1 и 23

Транспорт № 6 б.

Таблица местных этапных складов.

Наименование этапных пунктов.	Количество.		Срок обеспечения.	Примечание.
	Людей.	Лошад.		
1) Гуливаляк	1.000	400	7 дней.	
2) Тенги хорам	1.000	400	"	
3) Ак Рабат	1.000	400	"	
4) Дербент	1.500	600	"	
5) Сайраб	1.000	400	"	
6) Чилиндзор	1.000	400	"	
7) Лагляк	1.000	400	"	
8) Ангор	1.000	400	"	
9) Термез	2.000	400	"	
10) Яр-тенс	1.000	400	"	
11) Кайнар	1.000	400	"	
12) Чарджуй	2.000	600	"	

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ПОЛОЖЕНИЕ ОБОИХ СТОРОН

к 22 АПРЕЛЯ 1922 г.

Обеспеченность магазинов главнейшими продуктами к моменту начала общего наступления.

Наименование магазинов.	Каганск.	Карши.	Чарджуй.	Шахрисябоз.	Ширабад.	Гузар.	Керки.	Примечание.
Мука	10.500	—	922	—	—	750	—	
Мясо (в головах)	270	1.000	—	985	—	—	800	
Жиры	300	—	—	—	—	—	—	
Крупа	2.000	—	—	1.190	—	—	—	
Соль	1.200	—	—	—	—	—	—	
Чай	—	—	—	—	—	—	—	
Сахар	—	—	—	—	—	—	—	
Колониальные продукты	—	—	—	—	—	—	—	
Траво-фураж	40.000	—	—	—	—	—	5.000	
Зерно-фураж	4.000	3.200	—	13.500	—	—	2.000	
Пшеница	10.000	13.000	—	6.750	—	—	2.000	

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.
ПОЛОЖЕНИЕ
ОБОИХ СТОРОН
к 10 июня 1922 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

УСТРОЙСТВО ТЫЛА

к 15 июня 1922 г.

Приложение № 8.

Копии некоторых документов из полевой книжки Энвера-Паши, найденной на его трупе.

В настоящем приложении я помещаю лишь те полевые записки и распоряжения Энвера, которые относятся к организации его войск, их численности, устройству тыла или представляют интерес для выяснения некоторых подробностей боя под Кочрюном и преследования Энвера нашими войсками.

Многие из записок написаны настолько неясно и неразборчиво, что с трудом удается уловить лишь общий их смысл; многие названия несогласованы с картой нашего издания, но в целом они дают ясное представление о том, что происходило в стане нашего врага в момент нашего решительного наступления.

Мною подчеркнуты в тексте некоторые места, заслуживающие особого внимания читателя.

I.

Нурмат-беку.

В виду твоих доблестных дел и старания за веру, возлагаем на тебя в будущем также стойко стоять за намеченную цель.

— За проявленные тобою услуги (заслуги? Н. К.) я назначаю тебя полковником.

Энвер.

г. Бальджуан.

Кишлак Акбу, 1922 г. 11 июня.

II.

Из Кармока без №. Заместителю Нафаг-бею.

Афганцы все приехали; прикажите им оставаться на занимаемой позиции.

Местные жители должны выйти в аулы. Я всегда защищу их. Я с Фасил-беком нахожусь в Карлюке, при мне 2.000 кавалерии; устройте палаток для Абдул-Кадыр-бея и (имя другого неразборчиво. Н. К.).

(Далее неразобранный полностью текст, передающий приказание одному из начальников отрядов почевать на занимаемом им месте. Н. К.).

Энвер.

III.

В Денау. Нафаг-бею из Кармока.

Патроны и ваши рапорта получил. Во время движения больным не говорите; держите себя скрыто. После переправы через Сухан отправим больных в Кабалдиан, потому что оттуда достать медикаменты из Афганистана и другие нужные предметы (очевидно, легче? Н. К.). Я предполагаю пока остаться в Кармоке.

Энвер.

(Письмо, очевидно, написано вскоре после боя под Кофрюном. Н. К.).

IV.

Денау. Нафаг-бею.

19/VI—22 г.

1) В настоящее время опасности нет. 2) В окрестностях Мир-Шадэ происходит сильная разведка. 3) Вы двигайтесь по направлению Джиликуля. Если уехали мастера, вы оставайтесь в Денау с припасами, которые имели возможность набить 6.500 патронов (очевидно, эта фраза относится к мастерам. Н. К.). Сабит и Хусани-Эфенди пусть отправляются с больными и вещами.

Действуйте по приказанию. Тех, кто не послушается, оставляйте в Денау.

Энвер.

V.

Халил-бею.

Имеющихся при вас пеших и слабых афганцев отправляйте Нафаг-бею с моими вьючными лошадьми и знаменем.

Мухутдин завтра приедет в Юрчи. Нафаг-бек, переправившись через реку в Аргамчи, должен двигаться по берегу очень осторожно. Если русские будут делать кавалерийские налеты, которые могут быть, то Нафаг-бей должен выслать разведку. Он не должен случайно попасть русским.

Я нахожусь в Юрчи и вы должны приехать в Юрчи.

Энвер.

VI.

Всем начальникам отрядов.

Довожу до вашего сведения о том, что русские еще не выступили от Мир-Шадэ. Я остановился в Карлюке, потом за вами приехал в Юрчи. Для отступления от Юрчи нет причины. Прошу вас, вы также, останавливая ваши войска, дайте им отдых и будьте готовы к бою. Я завтра буду в Юрчи.

Энвер.

VII.

Халил-беку.

Бек Эфенди с Мухутдином приезжайте в Юрчи и пусть присоединяется Даниар. Сегодня остаюсь в Юрчи. Если русские будут наступать, буду отступать.

Пришлите двух путеводителей, знающих вьючные дороги.

Энвер.

Письма к Энверу-паше различных лиц, найденные на его трупе.

Письмо бывшего Эмира Бухарского Энверу-паше.

Уважаемому, строгому брату, сердечному командующему войсками Энвер бек Гази.

Нам стало известным, что все назначаемые должностные лица назначены помимо Вашего желания, например Ибрагим Датка, кажется, не слушается Вас. Сейчас ему, Ибрагим Датка, в присутствии нами вынесено постановление и приказали ему не выходить из пределов Вашей воли. Сообщить о состоянии здоровья нашего Вам, нами из среды войск сделано поручение Шахимура Тохсаба, который послан и имеет обо всем донести Вам.

Просьба к Вам создать должную организацию и согласованность среди сотрудников, чем и порадовать меня.

Дано в 7-й день уразы.

Личная подпись и печать Эмира Саид Алима.

Адрес: Пусть достигнет брата Главнокомандующего Энвера бека, из крепости Мурад Бек (Кабул).

Письмо бывшего Эмира Бухарского Энверу-паше.

Его превосходительству, другу моему Командующему армией.

Посланные Вами письма на имя Вашего покорного слуги все получены. Каждое из писем прочитав в отдельности, мы остались ими очень рады. Пусть бог Вас и всех мусульман хранит. Передайте привет от нас султан Хадиса Дяшкар Беш мулла Ибрагим бию-Дат-Халык-боги, Сазыл Максум бию, а также каратегинским их аскерам. Пусть они, приняв приветствие, помнят и не забывают того, что они стоят на охране веры и что стойкость их умножит число защитников ее и чтобы они в единении и согласованности и направляли усиленную деятельность против врага.

Мы, беззащитные рабы, их трудам радуемся до конца. Лишенные родины, мы прибыли в Афганистан. Стоящие во главе духовенства, идут по одному пути с нами.

В одном из писем мы узнали, что бог дал Вам сына, чему радуемся и желаем ему долголетия. Кроме пожелания Вам здоровья желаем и успеха и кланяемся.

Ваш друг Эмир Саид Алим.

Письмо бывших ответственных работников в Бухреспублике: Осман Ходжи, Мухутдин бека, Арифова²⁾ на имя Энвера-паши.

Уважаемому Высочеству.

Почтенный господин.

Мы думали, что через 15 дней, навестив Эмира в Кабуле, вернуться, но нас до приезда Вами Хана задержали.

В Асби Хан поехать не могли. Я иностранному комиссару (министру иностранных дел? Н. К.) категорически объявил, что я 12 июля выезжаю, а также Осман ходжа остаться здесь не может.

¹⁾ „Гази“ почетный титул; в переводе означает непобедимый. Н. К.

²⁾ Бывший военный назир Бухарской Сов. Республики. Н. К.

Вали хан против нас¹⁾. Он своей противностью к великому сожалению сильно повлиял на Эмира.

По ниже помещенному шифру военного комиссара Арифова можете понять, что между нами и ими произошло (далее следует шифр Н. К.). Копия этого шифра послана Вам из Ханабада господином военным комиссаром Арифовым.

Фахри паша приехал и я видел его. С ним приехало 12 офицеров, 26 войсковых и несколько канцелярских работников, годных для консульства. Поручик Аташа-желтер в Сарыкамыше. Есть здесь негодяй, полковник Шариф-бек, он явно против нас. По этому поводу написал книжку.

Мустафа Кемаль ему поручил ответственную работу и произвел в чины. Шариф бек среди офицеров пропагандировал против нас, но я не дал ходу этой пропаганде. Фахри паша нам сочувствует. Взять нам к себе из среды офицеров Фахри паши не пришлось, потому что Фахри паша нам об'яснил, что по настоящему политическому положению нельзя. Офицеры его нам сочувствуют. Трое наши родственники. Жить нам здесь плохо, поэтому категорически просите Эмира нас отпустить к Вам.

За нами пошлите курьера и одного из наших. Пишите, что мы Вам нужны. Пишите в письме Эмиру, что имеющиеся в организации Бедри бека 7¹/₂ кило золота послали к Вам посредством внешней торговли или дали бы временно на хранение Фахри паша, потому, что Бедри бек хочет это золото отправить в Берлин.

Вечно целую Вашу руку Салим-Самыг-Кошчи-оглы.

Целую Вашу руку Осман Коджа, Мухут-дин бек и Арифов.

В письме Эмиру пишите, чтобы Осман Ходжа отпустили к Вам.

Приложение № 10.

Письмо Энвера-паши Афганскому Военному министру²⁾.

Мой дорогой Назир.

Вчера после сражения я ушел со своими войсками в Кардук, потому что первая причина была три более самого большого (очевидно плохо переданное переводчиком и выражение, указывающее наше превосходство в силах. Н. К.) и главной причиной было то, что патроны были израсходованы у туземных войск. Одиннадцати зарядных Афганских осталось очень мало. Также я слышал теперь (пропуск в тексте Н. К.)..... Использую это положение, идя на Курган Тюбе и с Давлет мин баем я хочу покончить с Ибрагимовской аферой. Я полагаю, что русские не могут идти вперед, даже совершенно невозможно, чтобы они дошли до Дюшамбаэ.

Я послал всех стойких людей и патроны в Джиликуль. Я здесь подожду немного. Так если Вы не можете дать благоприятного ответа для пропуска, тогда я пойду к Джиликулю и Курган Тюбэ. Пожалуйста, пришлите мне новых русских патронов.

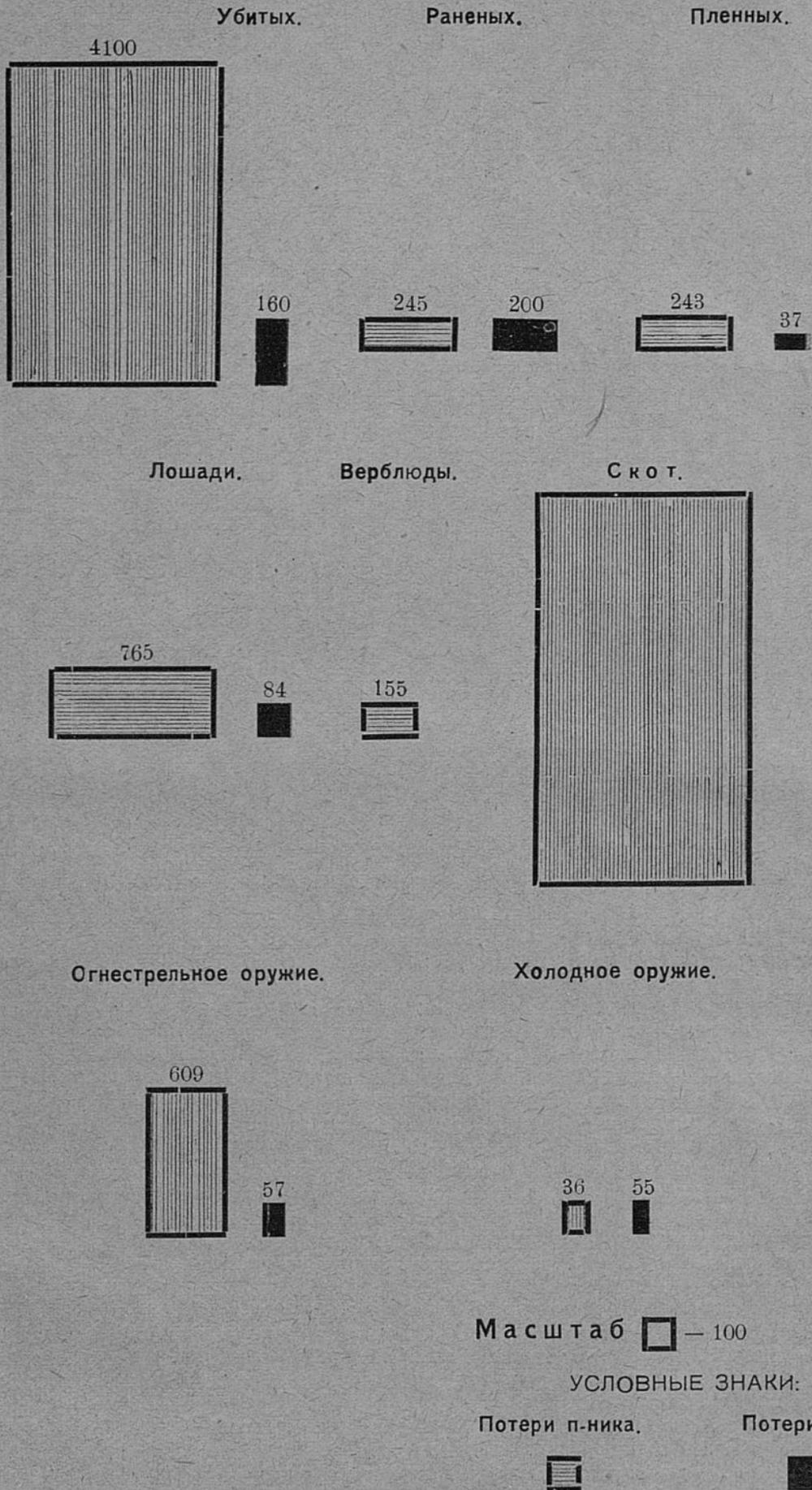
Ваш Энвер.

17 июня.

¹⁾ Курсив мой. Н. К.

²⁾ Это письмо захвачено при поимке афганского раз'езда частями правой колонны в окрестностях Кабадиана в двадцатых числах июня месяца. Н. К.

Потери обеих сторон с 23 апреля по 23 сентября 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12.
ПОЛОЖЕНИЕ
ОБОИХ СТОРОН
К 15 АВГУСТА 1922 г.

Приложение № 13.

Энвер-Паша на 1-м С'езде народов Востока.

В 1920 году, когда победоносная Красная Армия, идя на защиту угнетенных рабочих и крестьян Азербейджана, прогнала Муссаватистов и укрепилась на аванпосте алекующего Востока,—в сентябре состоялся в Баку 1-й С'езд представителей народов Востока, имевший целью объединить эти народы под красным знаменем III Интернационала для борьбы с хищничеством и эксплуатацией буржуазии и капитализма Западной Европы.

Одним из представителей угнетенных народов, по странной иронии судьбы и истории, оказался и знаменитый Энвер-Паша, чье имя было чрезвычайно популярным среди мусульман всего мира, мечтавших объединиться под флагом панисламизма.

Герой Триполи во время итальянско-турецкой войны, вождь Младо-турок, виднейший государственный деятель полудеспотической Турции, Главнокомандующий Турецкой армией во время великой империалистической бойни,—Энвер-Паша после прекращения войны вынужден был скрываться от агентов Антанты, разыскивавших его, как одного из виновников всемирного пожара, организатора армянской резни и опасного авантюриста.

Его неожиданный приезд в Баку вызвал массу толков и пробуждал немало надежд среди антисоветских кругов мусульманства, видевших в нем человека с богатым военным опытом, хорошего руководителя, умеющего ориентироваться среди трудных условий обстановки и могущего проявить в нужный момент большую инициативу и предприимчивость.

Когда в 4-м заседании С'езда, 4-го сентября, председатель объявил, что в президиум поступило письменное заявление Энвер-Паши, имеющее крупное политическое значение, и что президиум решил огласить его с трибуны,—в зале начались

шум и возгласы... Председатель попросил сохранить полное спокойствие, после чего тов. Островский прочел следующую декларацию Энвер-Паши¹⁾: „Товарищи,—я выражаю благодарность от себя и от имени товарищей III Интернационалу и его президиуму, который дал возможность нам, воюющим против всемирного империализма и капитализма, собраться сегодня в Баку.

Товарищи, мы считаем себя счастливыми, что в противоположность империализму и капитализму, которому недостаточно ограбить и раздеть нас до-нага, но который старается пить нашу кровь и уничтожить нас, и в противоположность лживым европейским политикам, мы сегодня стоим бок-о-бок с союзником верным и правдивым,—III Интернационалом.

Товарищи, когда Турция вступила в войну, мир разделен был на два лагеря. В одном была империалистическая и капиталистическая старая царская Россия и ее союзники, в другом—такая же Германия и ее союзники. Из этих двух групп мы, борясь против стремящихся нас совсем задушить и уничтожить царской России, Англии и их друзей, воевали на стороне Германии, согласившейся подарить нам по крайней мере жизнь.

Нас использовали германские империалисты для своих разбойнических целей. Но наше желание было только сохранить свою независимость.

Товарищи, чувство, которое унесло нас из спокойной беженской жизни в знойные пустыни Триполиса и под бедные шатры бедуинов, и заставило провести с ними самую тяжелую часть нашей жизни, не было чувством империализма. Мы старались спасти Триполис для триполитанцев и радуемся теперь тому, что после девятилетней борьбы им удалось прогнать итальянских империалистов. По отношению к Азербейджану у нас также не было другого намерения. Мы считаем, что Азербейджан принадлежит азербейджанцам. Если мы попадали в ложное положение, то это была наша беда.

Товарищи, во время мировой войны я стоял на важнейшем посту. Я уверяю вас, что я сожалею о том, что мы были вынуждены воевать на стороне германского империализма. Я столько же ненавижу и проклинаю германский империализм и германских империалистов, сколько английский империализм и английских империалистов. По моему, все те, кто думали об обогащении неработающих, заслуживают быть уничтоженными. Это—моя точка зрения на империализм.

Товарищи, я уверяю вас, что если бы теперешняя Россия существовала тогда и вела войну с ее теперешними целями, мы, как в настоящее время, со всей энергией стали бы на ее сторону. Чтобы яснее доказать правдивость своей мысли, я скажу, что в то время, когда мы решили и стали совместно действовать с Советской Россией, армия Юденича стояла вблизи Петрограда, Колчак держал в своих руках Урал, Деникин приближался к Москве с юга. Антанта, двигавшая эти силы и считавшая игру уже выигранной, показала свои хищнические зубы и с удовольствием потирала руки. Таково было положение, когда мы старались стать друзьями России. Если бы буря Черного моря не толкнула меня обратно, сломав мачты моего судна, если бы решетки ковенских и рижских тюрем и падение аэропланов, на которые я садился, не задержали меня, я приехал бы к вам в самое тяжелое для России время и мне не пришлось бы рассказывать эти лишние вещи, чтобы дать объяснение некоторым товарищам.

Товарищи, вы знаете, что в империалистической схватке этой мировой войны мы были побеждены. Но с точки зрения войны угнетенных, я не признаю нас побежденными, потому что Турция вследствие закрытия ее проливов стала одним из факторов, приведших к крушению ненасытной царской России и к тому, что на место ее пришла естественная союзница всех угнетенных,—Советская Россия. Таким образом она содействовала тому, что открылся новый путь для спасения мира. С точки зрения угнетенных, я это считаю победой.

Товарищи, армия, которая в настоящее время ведет героическую борьбу против империализма и которая силу свою получает от крестьянства, как я уже сказал, не была побеждена,—она только на время опустила руки. И в настоящее время, после проведенных в борьбе против того же врага 15 лет, она все время среди величайших лишений уже второй год ведет борьбу. Настоящую борьбу нельзя сравнить с прежней. Видя, что теперь восточный мир вступил в союз с III Интернационалом, и угнетенные всего мира поддерживают ее справедливые притязания, она преисполнилась решительной надеждой на победу.

Товарищи, напряженный фазис мировой войны, начавшейся со времени Трансваальской войны, продолжался от 1914 до 1917 г. между империалистами и пришел к концу. Но война в настоящее время вошла в решительный период, и она окончится непременно нашей победой, т. е. победой угнетенных, и не только сложением оружия со стороны империализма, но полным его уничтожением.

¹⁾ Цитирую из стенографического отчета книги „Первый Съезд народов Востока 1920 г.“.

Настоящий конгресс придает новые силы Красной Армии, проливающей свою кровь для защиты угнетенных, а также и турецким борцам. Точно также этот конгресс посодействует тому, чтобы борьба кончилась нашей победой, т. е. победой права. К III Интернационалу нас направляло не только одно стремление найти опору в борьбе, которую мы начали. Может быть, что в то же время причиной является и близость принципов. Мы нашу революционную силу всегда черпали из народа, из угнетенной части народа, т. е. из крестьян. Если бы наши фабричные рабочие были сильны, я бы их упомянул на первом месте. Однако, они также были с нами. Они душой и телом работали вместе с нами. Это и теперь так. Таким образом мы опирались на угнетенную часть народа. Мы чувствуем его боль, живем с ним и умрем вместе с ним.

Товарищи, считаясь с желанием народа, мы стоим за предоставление ему права самоопределения. Мы считаем себя связанными крепкими узами на всю жизнь с теми, кто хочет жить с нами; тем же, кто этого не хочет, мы желаем предоставить право самим устроить свою судьбу. Вот наша точка зрения по национальному вопросу.

Товарищи, мы—против войны, т. е. против того, чтобы люди ради власти душили друг друга. И для того, чтобы добиться вечного мира, мы идем вместе с III Интернационалом, и поэтому мы в настоящее время вопреки всяким препятствиям ведем кровавую борьбу и продолжаем ее.

Товарищи, мы хотим счастья для трудящихся, т. е. мы против того, чтобы спекулянты, — будь то иностранные или туземные, — пользовались плодами чужого труда. По отношению к ним нужно поступить без всякого стеснения. Мы хотим, чтобы наша страна пользовалась плодами общей работы путем развития земледелия и промышленности в больших размерах. Такова наша мысль по экономическому вопросу.

Товарищи, мы убеждены, что только сознательный народ может добиться счастья и свободы. Мы хотим, чтобы основательное знание, соединенное с трудом и обеспечивающее вам истинную свободу, просвещало нашу страну, и тут мы не признаем разницы между мужчинами и женщинами. Это наша мысль о социальной политике.

Товарищи, я вам заявляю, что союз революционных организаций Марокко, Алжира, Туниса, Триполи, Египта, Аравии и Индостана, пославший меня своим представителем, в этом отношении вполне солидарен с вами. Он вполне убежден, что путем применения всех революционных средств ему удастся поломать зубы хищным зверям и обессилить их окончательно.

Товарищи,—руки, поднявшиеся с этой целью, протягиваются друг другу. Я жму руку всем, кто будет работать вместе с нами до окончания этой борьбы, которая продлится долго, но окончится только нашей победой. Желаю им успеха.

Да здравствует союз угнетенных.

Долой угнетателей, дрожащих перед этим союзом“.

Эта декларация Энвер-Паши произвела на Съезде большое впечатление. Умеющие разбираться в вопросах чувствовали, что под словами Энвер-Паши скрыто много недоговоренности, а другие наивно верили в искренность заявлений этого старого авантюриста и политического обманщика.

Но президентом Съезда, руководимый комфракцией, понял истинную подоплеку декларации Энвер-Паши и раскрыл его карты. Тов. Бела Кун огласил следующую резолюцию, единогласно предложенную Президиумом: 1) „Заслушав заявление Энвер-Паши о турецком национальном движении, Съезд Народов Востока принимает следующую резолюцию:

1) Съезд выражает свое сочувствие всем турецким борцам, которые борются против мирового империализма, угнетающего и эксплуатирующего восточные народы и держащего в рабстве трудящихся всего мира, и прежде всего против английских и французских империалистических бандитов. Подобно II Конгрессу Коммунистического Интернационала I Съезд Народов Востока заявляет, что он поддерживает те общенациональные революционные движения, которые стремятся освободить угнетенные народы Востока из-под ига чужеземных империалистов.

2) Однако, Съезд устанавливает, что общенациональное революционное движение в Турции направлено только против чужеземных угнетателей и его успех отнюдь не означал бы освобождения турецких крестьян и рабочих от угнетения и эксплуатации всякого рода. Успех этого движения не принес бы с собой разрешения самых важных для турецких трудящихся классов вопросов—аграрного вопроса и вопроса о податях и не устранил бы самые главные препятствия к освобождению Востока—национальные распри.

3) Съезд находит необходимым особую осторожность по отношению к тем вождям движения, которые в прошлом вели на бойню турецких крестьян и рабочих

1) Цитирую по той же книге.

в интересах одной империалистической группы и таким образом привели трудящиеся массы Турции к двойной гибели за интересы маленькой группы богачей и высшего офицерства. Съезд предлагает этим деятелям показать делом, что они готовы теперь служить трудящемуся народу и загладить прошлые ложные шаги. Предлагая трудящимся массам Турции и всего Востока поддержать турецкое общенациональное революционное движение, Съезд призывает крестьян и рабочих Турции сплотиться в самостоятельные организации, быть готовыми довести дело освобождения до конца и не допустить, чтобы чужеземные империалисты, стремясь помешать делу освобождения, могли использовать свои связи и влияние на туземных богачей, кулаков, бюрократов и генералов (паши, дербейлеры и проч.). Только таким образом может трудящийся народ Турции добиться освобождения от всех его угнетателей и эксплуататоров и только тогда земля, фабрики, копи и вообще все богатства страны будут служить интересам трудящихся и только трудящихся. Только таким образом“.

Так разоблачил Президиум Съезда Энвер-пашу, так раскрыл глаза присутствовавшим на Съезде на личность Энвер-паши, который через несколько времени, перебравшись в Туркестан, сбросил с себя маску и, став во главе басмаческих банд, стал на сторону заклятых врагов Советской власти, пока не погиб, раздавленный колесами ее победной колесницы.
